

The book cover features a vibrant, surreal illustration. A woman with blonde hair, wearing a blue dress and purple shoes, stands on a stone path. She is holding long, flowing ribbons of blue and purple fabric that swirl around her and extend towards the edges of the cover. In the background, there are stylized, colorful flowers and architectural structures resembling ancient ruins. The overall color palette is dominated by warm yellows, oranges, and reds, with accents of blue and purple from the woman's dress and the flowing ribbons.

Н а т а л и я
Т е р е н т њ е в а

СИНДРОМ
ОТСУТСТВУЮЩЕГО
ЁЖИКА

«Проза
Наталии Терентьевой
обладает удивительным
свойством: оставаясь
занимательным чтением,
она поднимает нас на некую
правственную высоту.
Это как в суматохе дней вдруг
встретить хорошего человека,
поговорить с ним — и стать
чутьточку лучше самому».

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА,
писатель

Наталия Михайловна Терентьева

Синдром

отсутствующего ёжика

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6525341

Синдром отсутствующего ёжика : АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087355-5

Аннотация

Жизнь Саши – одна большая любовь. Любовь к единственной дочери со странным именем Ия. «Имя из одних гласных – и в характере стержня не будет», – предупреждали Сашу. Героиня вспомнила эти слова, когда однажды Ийка просто ушла от матери. Ушла от бедности и проблем в новую красивую жизнь. Ушла за золотыми небесами со своего детского рисунка...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	53
Глава 4	65
Глава 5	83
Глава 6	111
Глава 7	138
Конец ознакомительного фрагмента.	163

**Наталия Михайловна
Терентьева
Синдром
отсутствующего ёжика
*Роман***

Часть первая

*Твердь, за которую схватились мы,
Лишь в миг отчаянья казалась твердью...*

Шеймас Хини

Глава 1

– Мам, ты занимаешься ерундой! – решительно заявила Ийка, выйдя на середину комнаты.

– Да? – рассеянно спросила я, уверенная, что она говорит о книжке, которую я взялась читать.

– Ты занимаешься ерундой! – настойчиво повторила Ийка, быстро взглянув на меня, и тут же отвела глаза. В это время солнечный луч скользнул по ее лицу, и я невольно залюбовалась дочкой. Нежное тонкое личико, светло-серые глаза, вся такая хрупкая, милая...

– Мам, ты не слушаешь меня?

– Слушаю, – улыбнулась я. – Почему ерундой, дочка?

Ийка нервно повела тонкими плечиками и ответила, не глядя на меня:

– Потому что тебе не платят за твою работу!

– Ийка... ты что это вдруг? – Я по-прежнему не очень понимала, к чему она клонит.

– Да, да, ерундой! – быстро и настойчиво продолжала дочка, боясь, что я ее собою с мысли. Похоже, она подготовилась к разговору. – А папа занимается делом, потому что он получает большие деньги.

– Папа... – Я вздохнула. – Давай лучше не говорить, откуда у папы такие деньги.

– Значит, папины деньги – плохие? – хмыкнула Ийка.

– Ийка!

– Мы же конфетки кушаем на эти деньги, ты всегда так сама говоришь. Не брала бы у него ничего!

Я отложила в сторону книгу и посмотрела на напряженно вытянувшуюся передо мной Ийку. – Иечка, сядь-ка, давай поговорим. Что ты так раскипятилась? Да, мне платят мало. Но моя работа очень важная, разве нет? Я лечу детишек...

– А ты знаешь, кто у них родители, у этих детишек? – перебила меня Ийка. – Шушера! Поэтому тебе ничего и не платят! Они никому не нужны, и их родители никому не нужны! Одним больше – одним меньше... Вот если бы ты лечила детей президента или министров, тебе бы платили...

– Малыш, все не так просто... – Я попыталась взять дочь за руку.

Она вырвала руку.

– Я ухожу, мам.

– Ну... хорошо... А куда ты идешь?

Ийка ответила, стараясь не встречаться со мной глазами:

– Я... совсем ухожу, мама. Я уже собрала вещи.

– Куда ты уходишь? Ты что? Подожди... Иечка... – Я присела на край дивана, чувствуя, как у меня сильно стукнуло и замерло сердце.

– К папе, жить. Ему нужна гувернантка для его младшего сына.

– И... что?

– И я буду гувернанткой! – Ийка все же постаралась гор-

до взглянуть на меня. – Папа будет платить мне приличные деньги! Больше, чем тебе платят в твоей поликлинике. В... пять раз больше!

– Подожди, пожалуйста... – Я пыталась найти хоть один довод, который услышит Ийка. – А как же школа?

– А! – Дочка презрительно пожала узкими плечиками. – Ну, буду ходить в школу... В другую, поближе... к моему новому дому. Утром мальчика в садик отведу, а после школы заберу...

– Ийка... Но как же ты можешь...

– Мам, не надо меня уговаривать, я все решила.

– Хорошо. – Ничего хорошего не было, но я постаралась взять себя в руки. Я увидела стоящие за Ийкиной спиной большой чемодан и сумку – значит, говорить надо о главном, а не о сантиментах. – А как ты будешь готовиться в институт?

– Я поступлю на платное. И буду учиться в том институте, в каком захочу. Папа так сказал. Все, мам, не останавливай меня.

Я понимала, несмотря на горячий стук в голове, что вообще-то могу встать поперек двери и сказать: «Не пущу!» Но что это решит? Если она так тщательно подготовилась и собралась...

– Иечка, – я снова взяла ее за руку, – зачем нам ссориться? Зачем уходить из дома, все ведь можно решить по-другому... Я просто не понимаю... – Я обняла дочь.

Ийка замерла на секунду и резко отстранилась от меня.

– А я не понимаю, мама, зачем жить в таких собачьих условиях, как я живу! У меня будет отдельная большая комната, с балконом, папа мне купит машину и оденет меня по-человечески.

– А ты по-собачьи одета, да, дочка?

– Да! В бабушкин самовяз одеваются только сироты! Мам, дай мне пройти, за мной приехал папа.

– У сирот нет бабушек, дочка...

Ийка обошла меня, по-прежнему стараясь не столкнуться со мной глазами, выволокла чемодан на площадку и, не хлопнув дверь, ушла.

Я села в прихожей. Часа два прошли незаметно. Ийка не виновата – виновата я... Это ведь я выбрала ее папу в отцы своему будущему ребенку, не послушалась родителей, как они меня ни отговаривали... Это я не досидела с ней даже до двух лет и побежала на работу, бросив маленькую Ийку на бабушку с дедушкой, которые любили ее и баловали как могли... Ну а я-то – разве я сама могла когда-нибудь сказать ей «нет» и выдержать ее слезы? Девочка бедная, девочка худенькая, растет без папы, папа-то есть, но ему совсем не нужна Ийка, и когда она ему звонит, папа говорит: «Зайчик, очень о тебе скучаю, но говорить сейчас не могу, позвоню завтра...» И маленькая Ийка садилась у телефона и ждала, глядя мимо меня огромными прозрачными глазами... А я – я не нашла слов, не сделала чего-то важного, не сумела стать и мамой и папой – ведь у кого-то получается, но не у меня...

Я встала с пола. Слезами горю не поможешь. Можно изреветься, но ни Ийкин папа, ни она сама решения своего не изменят, по крайней мере, в первый день торжества свободы и справедливости. Наконец-то папа дождался... Он когда-то меня предупреждал: «Ты очень пожалеешь, что так поступила!» Но я ни разу не пожалела, что родила Ийку, даже сегодня. И никогда не пожалею...

Я снова опустилась на пол. Плохо, что не надо идти на работу, – воскресенье. Пойти подежурить, что ли, на неотложку, просто так? Скажу: «Идите, девчонки, домой. Сегодня я – дежурная...» И престарелые девчонки – а именно они, семидесятипятилетние бедолаги, подрабатывают у нас на неотложных вызовах – побегут с радостью домой. Нет. Не пойду. Не хочу. Мне надо идти за Ийкой и возвращать ее. Только я не знаю, где живет ее папа. Он года четыре назад поменял квартиру, да так и не успел дать нам своего адреса и домашнего телефона.

Надо мной висела картинка, которую Ийка нарисовала лет в пять. Маленькая тоненькая девочка, вся нарисованная голубым карандашом, держит в одной руке разноцветные тюльпаны, а другой сжимает руку очень симпатичного существа – с красным лицом, длинными, длиннее волос, ресницами, с большими зелеными глазами, похожими на солнышки, и огромным улыбающимся ртом. «Это ты – мама! – сказала счастливая Ийка, даря мне в день рождения мой портрет. – Ничего, что я себя тоже нарисовала? Ты же всегда со мной,

правда? Ты очень красивая... Румяная, видишь какая!» Прекрасный портрет, нарисованный от всей души, поэтому он уже десять лет висит у нас на стенке... Позже Ийка подписала его: «Мама с тюльпанами и со мной». А взрослея, Ийка стала рисовать только цветы – тонкие, хрупкие, на слабых стебельках, с полупрозрачными лепестками, часто похожие на волшебные хрустальные растения – диковинных расцветок, необычных форм...

Я не сразу поняла, что звонит телефон. Услышав голос подруги Ксюши, сердечной и сострадательной, я секунду помолчала, думая, как отвечать на ее искреннее: «Как дела?», и ответила:

– Хорошо.

В ответ Ксюша рассказала мне последние новости своей жизни, а я все смотрела на себя на Ийкином рисунке – румяную и с тюльпанами...

С Ийкиным отцом мы расстались, когда ей было четыре года. Она переживала поначалу очень, перестала спать днем, просыпалась ночью и потом никак не могла уснуть, бегала на любой звонок к телефону, первая хватала трубку и кричала: «Папа!» А когда он приезжал с ней повидаться, становилась сама не своя – то смеялась, то молчала, то изо всех сил пыталась понравиться ему – наряжалась, рассказывала истории без начала и конца. Потом наступил период, когда Ийка упорно пыталась выяснить у меня – хороший ли он, ее папа. Или плохой. Промежуточный вариант ее не устраивал,

она его не понимала.

И я говорила – папа плохой. Потому что самой было так больно, что не было сил заниматься выстраиванием идеального фантома папы, специально для дочки. Некоторые психологи советуют именно так: надо взять и придумать этого человека, раз он оказался никудашным. Какая разница – какой он на самом деле. Важно, чтобы дочка знала – у нее тоже есть папа, хороший человек, он ее любит. Но жить вместе родителям оказалось не очень весело, и мы разошлись. Я так не сказала.

Сначала говорила, что папа – плохой, предатель. Потом стала говорить, что бывают и хуже – наш все-таки приезжает иногда и дает достаточно денег, не забывает про Иечку... Потом как-то попыталась сказать, что папа в общем-то неплохой человек. И услышала в ответ от семилетней Ийки:

– Ты – сама плохая!

– Почему, дочка?

– Потому что ты врешь и все время говоришь по-разному! А папа – хороший! Я тебе сказала, а ты теперь меня нашлаепаешь!

– За что? Ийка...

– Папа так все время мне говорит. Что он хороший, просто он встретил очень красивую и добрую девушку, а ты злая и все врешь. А если я тебе скажу об этом, ты меня набьешь...

Пожалуй, это был самый смелый поступок моей Ийки за всю ее жизнь. Я навсегда запомнила, как она стояла передо

мной, худенькая, бледная от страха, и молча ждала расплаты за свою смелость.

Может быть, живя со мной, она все эти годы любила не меня? Но почему? Я не уходила по вечерам в кино и рестораны, ночевала только дома и одна, я ни разу не ездила без нее отдыхать, и мне все это было в радость. Иногда мне казалось, что я раздражаю ее, как всегда раздражала ее папу, мы слишком разные. А они – похожие, одинаковые...

Я походила по опустевшей квартире, мимоходом замечая, какие вещи забрала Ийка. Да, она серьезно собралась в новую жизнь... Взяла даже детские ботиночки, первые свои ботиночки, в которых она топала неуверенными ножками по нашему двору в полтора года. Ботиночки стояли на полке среди других дорогих сердцу вещей. Странно, никогда не думала, что Ийка вообще обращала на них внимание. Это я иногда бываю сентиментальна... Еще она зачем-то взяла наш общий фотоаппарат, который мы всегда брали в поездки, на дачу... Я присела на край ее аккуратно собранного утром диванчика. Ну, как «зачем»! Взяла, чтобы фотографировать свою новую жизнь, красивую и благополучную.

Мне очень захотелось позвонить маме с папой, пожаловаться. Но было их жалко. Услышат мой убитый голос, представят себе свою маленькую Ийку где-то у чужих людей... Оба разволнуются, мама побежит мерить папе давление. Тот будет тайком пытаться звонить Ийке, еще больше расстро-

ится, станет громко разговаривать и веселить маму, мой старенький терпеливый папа... И при этом будет сморкаться, а мама – капать ему сердечные капли и тоже вытирать глаза...

Я сделала побольше громкость телефона – вдруг позвонит Ийка, взяла пылесос, пропылесосила всю квартиру, диван, потом вымыла ванную комнату и натерла линолеум на кухне какой-то специальной ваксой, которая несколько лет пролежала у меня в хозяйственном шкафу. Возможно, у ваксы уже истек срок хранения, но от вида темно-оранжевой, густой, блестящей массы, почему-то пахнущей только что распиленной древесиной, у меня слегка поднялось настроение. И я даже решила зашить все, что порвалось, – Ийкины летние брюки, свою выходную кофточку, расползшуюся по швам после первой же стирки в стиральной машинке, но сразу исколола себе руки и решила с иголками пока повременить.

Ближе к ночи я набрала номер Ийкиного мобильного, но телефон оказался отключен. От беспомощности, от острого осознания какой-то невероятной несправедливости судьбы мне стало нехорошо, душно, и даже слез уже не было. Тогда я сварила крепкий отвар корня валерианы, черный, воющий, и выпила его, стараясь не дышать. Потом включила компьютер и попыталась найти адрес Вадика, Ийкиного отца. С его редкой фамилией Хисейкин в Москве оказалось еще семь человек. Но все не Вадики. Мой бывший муж умудрился как-то и здесь зашифроваться. Адрес я не нашла.

Завтра с утра у меня прием. Я встану в семь утра в чистой,

убранной квартире. Приду на работу. Четыре часа приема я точно не смогу ни о чем таком думать, потом схожу на вызовы и поеду... допустим, в Центральное справочное бюро. Есть какое-то место, где можно найти любого. Раньше, по крайней мере, было. Мы с подружкой в Ийкином возрасте как-то ездили узнавать, где живет артист Тараторкин, хотели подождать его у подъезда и узнать, женат ли он. Адреса нам не дали и очень пристыдили.

Я обязательно узнаю адрес Ийкиного отца и найду Ийку. Или пойду в милицию, в конце концов. Иначе я сойду с ума, не зная, где она. Если бы она ходила в школу... Но сейчас весенние каникулы, и придется дожидаться, пока начнется учеба. Поверить в то, что Ийка бросит свою школу, я не могла. Она с таким трудом привыкает ко всему новому...

Перед сном я взялась смотреть альбомы с фотографиями, и совершенно напрасно. Я получаюсь на фотографиях плохо, у меня всегда какой-то глупый напряженный вид, с неуверенной улыбкой, как будто я жду, что кто-то скажет: «Ты же такая страшная, зачем тебе сниматься?» Все альбомы у нас заполнены фотокарточками красавицы Ийки – с младенчества до сегодняшнего дня. Я сама ее снимаю, теперь уже хорошей зеркальной камерой, которую мне подарили родители на четырнадцатилетие дочери. Той самой камерой, которую Ийка взяла в новую жизнь. Ийка хороша в любой одежде, в любом виде. На фотографиях видно, какая она нежная, хрупкая, как ее легко обидеть и обмануть, несмотря на ее

врожденную склонность прятаться в похожей на приятную правду лжи...

Насмотревшись фотографий, перебрав в памяти наши поездки, разные праздники и события нашей жизни, казавшейся мне до сегодняшнего дня такой гармоничной, упорядоченной, я не смогла уснуть часов до пяти. А как только уснула, зазвонил будильник в телефоне и сообщил:

– Семь часов одна минута.

Из глубокого сна я не сразу вспомнила, что вчера произошло, и по привычке посмотрела на диван у окна, на котором спала Ийка... У нас на самом-то деле есть и вторая комната, очень маленькая. В ней встроена кладовка – уютная, удобная темная комнатка. Когда-то Ийка, играя, заперлась в кладовке и не смогла выйти. И потом она даже и слышать не хотела, чтобы остаться в той комнате одной, а тем более в ней спать. Она боялась лечь спать в своей кровати, а проснуться – в темной запертой кладовке...

Постепенно в пустовавшую комнату стали переезжать не очень нужные громоздкие вещи. Сейчас в ней, в частности, стоят огромный шкаф и два пианино. На одном когда-то пыталась учиться музыке Ийка, а второе вот уже лет пять просит не выбрасывать моя подруга Соня. Она его заберет, когда поймет, где же ее дом – где пьет первый муж, или там, где дерется второй, или в ее собственной хорошей квартире, где очень не хватает пианино, но никак не найдется для него подходящего места...

Если бы я знала, что Ийка моя вовсе не счастлива и хочет иметь свою комнату, свое окно, свою дверь, которую можно закрыть, отгородившись от всего мира, от меня, в частности...

Я заставила себя сразу встать, хотя больше всего мне хотелось в тот момент громко-громко закричать, так громко, чтобы она услышала меня в своей новой большой светлой комнате и хотя бы включила телефон.

Глава 2

*При такой температуре даже пустота
замерзает и становится хрупкой, как стекло.
Сергей Седов. Сказки несовершенного времени*

– Александра Витальевна, еще вызов, возьми вот! – окликнула меня регистраторша, когда я уже собралась выходить.

– Спасибо, Семеновна, – вздохнула я, взяв у замотанной в три платка Зинаиды Семеновны листочек с адресом. – Это тридцать второй, кажется...

– Ну, Сашуня, что делать, грипп! Ему, вишь – что морозит, что не морозит – время пришло, и он косит без разбору. У тебя на голове-то что есть? Минус шестнадцать на улице, и, говорят, еще холоднее будет к вечеру... Весна! – невесело засмеялась Семеновна.

– Есть, капюшон...

Я посмотрела на адрес, чтобы понять, в начале или в конце обхода мне туда бежать. На нашей единственной машине сегодня поехала шестидесятивосьмилетняя Надежда Ивановна. Слава богу, что у нее есть силы хотя бы на машине объехать десять-пятнадцать адресов. Половина из них будет моими, если она перестанет работать. А у меня и так участок, как у «молодой», в два раза больше нормы.

Адрес, написанный на листочке, был незнакомый. Навер-

но, новостройка. Я решила оставить его напоследок, потому что оттуда мне удобно будет ехать домой. По привычке я спешила домой. А что, собственно, мне там делать, если Ийка теперь... Мне не домой, а в справочное бюро надо спешить, так я, кажется, решила вчера – ничего лучше не придумала... Так, стоп. Вот плакать уж точно на таком морозе не надо. Я же именно так всегда говорила дочке: «Не плачь на морозе, дойди до подъезда, там и плачь». И она смеялась, маленькая, и пыталась удержать ручками уже набежавшие слезки...

Я достала платок, как следует поплакала, высморкалась, увидела, как смотрит на меня девушка в куртке, очень похожей на Ийкину. Как же Ийка хотела эту куртку, короткую, бесполезную, безумно дорогую... Я еще поплакала, отвернувшись от вопросительного, чуть насмешливого взгляда модной и молодой девушки. Поплакала, понимая всю вредность и бесполезность этого занятия и удивляясь сама себе. Я вообще-то часто кажусь себе неким механическим существом, с мощными природными аккумуляторами, вполне жизнерадостным и быстро приходящим в себя после всяческих передрыг. А может, у меня их просто пока и не было, настоящих передрыг? Назвать стародавний развод с Хисейкиным и последующую борьбу с бедностью подвигом – значило бы записать ровно половину женского населения страны в героини.

Я открыла сумку, чтобы убрать мокрый платок, и наткну-

лась взглядом на маленькую записную книжку, которую Ийка подарила мне в прошлом году на Новый год. На первой страничке ее легким почерком с завиточками было написано: «Мам, я тебя люблю». Я выбросила платок в урну и захлопнула сумку.

И я тебя люблю, Ийка, и не люблю себя, потому что если бы я была другой, ты бы не ушла в пятнадцать лет работать гувернанткой к своему папе. А просто так папа бы тебя никогда не взял. Если бы я была другой, то ты бы не заглядывалась на чужие красивые машины, на чьи-то прекрасные дачи, похожие на горделивые маленькие замки. Если бы я сумела воспитать тебя так, чтобы тебе было все равно – в какой шубе ходить, в кроличьей или в стриженной норке, ты бы не рвалась туда, где все блестит, ароматно пахнет, мчится со скоростью сто сорок километров в час... Наш-то старый «жигуленок», пока еще ездил, уже на семидесяти километрах начинал дрожать и сильно уходить влево.

Если бы я была совсем другой и умела зарабатывать деньги...

Остановись, сказала я сама себе. «Если бы» еще хуже, чем «авось», его ближайшая, самая подленькая родственница. Вот есть день, новый день, и проживи его по-другому, если сможешь. Иди и зарабатывай деньги. Пожалуйста, через дорогу – платная поликлиника. Уж наверняка там врач зарабатывает больше. Врачом не возьмут – медсестрой поработаешь. Все равно денег будет больше, чем на участке в

районной поликлинике, в которой стоят батареи и унитазы шестьдесят второго года выпуска, и большие, до потолка окна на холодный период в некоторых кабинетах занавешивают двумя старыми одеялами, сшитыми посередине. Уходи оттуда – в чистые сверкающие кабинеты и коридоры, обработанные не хлоркой, а импортными антисептиками с синтетическим запахом цветов. Или не ной.

И потом – человек создан так, чтобы любить все красивое. Ничего нет позорного в том, что мне самой тоже нравятся красивые вещи, дома... Я же не бросаю ради этого профессию или детей! Взглянула, удивилась, вздохнула и забыла. И я никогда не чувствовала себя ущемленной, не имея всего этого. Но это я, а Ийка...

Я села в подошедший троллейбус и достала телефон, чтобы попробовать позвонить Ийке, ведь никто не запрещал мне звонить ей. Можно даже в гости ее пригласить, приготовить что-нибудь вкусное. Наверно, это совсем не педагогично, но какая уж теперь педагогика! Все, что не получилось, уже не получится. Теперь можно только дружить или не дружить с собственной дочерью, которая так резко решила повзрослеть. Американцы бы, наверно, не поняли моих слез. Ну, решил ребенок поработать – пусть работает...

Я набрала номер ее мобильного. И с радостью услышала сигнал. Это уже лучше, чем вчера.

– Да, мам, – Ийка ответила бодро и даже весело.

– Привет, малыш! Как ты?

– Я – прекрасно, мам.

– Ты... ела сегодня?

– Да, ела.

Ийка поставила точку и замолчала.

– У тебя все хорошо? Ты...

– Мам, я ела, спала, чистила зубы, и у меня все хорошо.

– Я очень о тебе скучаю, дочка.

– Мам, извини, я не могу так много говорить, я занята.

Пока.

Господи, пусть мое сердце разорвется побыстрее, потому что оно разорвется от такой боли! Чужой, холодный, равнодушный голос. И если я еще буду звонить, то в следующий раз она попросит меня не беспокоить ее так часто...

А вот имею ли я право повеситься или, учитывая мой большой опыт медицинского работника, принять надежное снотворное, упаковочки четыре, чтобы не свернуть с намеченного маршрута и попасть туда, где меня еще не ждут? Удивятся, наверно... А я объясню: моя единственная дочка, смысл моей жизни, моя радость и надежда, вдруг объявила мне, что ей жить со мной невмоготу, и ушла. Вот я к вам сюда и пришла, чуть пораньше намеченного срока...

Нет, наверно, на это я не имею права. Моя бледная христианская мораль удержит меня. К тому же... А если душа – там, потом, когда уже ничего не исправишь и назад не вернешь, – будет так же разрываться и мучиться, как сейчас, только это будет длиться вечно?

И что тогда остается? Если здесь никуда не спрятаться от самоедства, а *там*, собственно, еще неизвестно что... Сойти с ума? Вот это, кажется, проще, при желании можно уже сейчас найти признаки наступающего безумия. В последнее время стала плохо спать, просыпаюсь среди ночи и не сплю, думаю, что-то решаю, настоящий Дом Советов в полпятого утра. А днем порой могу забыть то, что забывать нельзя, зато помню глупости и всякие странные вещи, в основном из раннего Ийкиного детства...

Да, да, пойти к врачу, к незнакомому психиатру, пусть пропишет мне сильнодействующие снотворные, которые тут же убьют нормальный сон, и антидепрессанты, от которых я буду зевать с десяти утра и плавать в странном, нереальном пространстве. На меня они действуют именно так. Вот потихонечку в палате с такими же безумными дамами и окажусь. Будем, рыдая, рассказывать друг другу свои переломанные судьбы, не слушая и не узнавая друг друга на следующее утро. Нет, лучше уж сразу... Без визита к психиатру... Напрямик к душам утомившихся предков...

А как же мои мама с папой, которые живут нашими с Никой радостями и проблемами? Будут, поддерживая друг друга, по субботам ездить на кладбище, полоть траву...

А мои маленькие беспомощные пациенты... Мальчик Гриша, например, с хроническим воспалением среднего уха. Если я его сейчас не вылечу, он оглохнет, хороший, талантливый ребенок. А мама его будет так же курить одну сига-

рету за другой, хохотать по телефону, стряхивая пепел ему в тетрадки и на голову, и оставлять его одного, пытаюсь найти ему нормального отца... или хоть какого отца... Или никого не найти, но не упустить своей утекающей сквозь пальцы молодости. Пока новый педиатр разберется, что к чему, Гриша перестанет слышать совсем, и его ждет убогая жизнь инвалида...

Размышления о Грише неожиданно отрезвили меня. Что это я вдруг так – сразу на тот свет захотела? Странная и непривычная для меня мысль... Наверно, первый раз в жизни посетившая меня, простая и ясная. Как единственная понятная возможность избежать дальнейших мучений. Надо же, а я ведь всегда с таким удивлением слушала чужие рассказы о подобных моментах слабости! Но в то мгновение, когда за Никой закрылась дверь, мне показалось, что у меня отняли что-то, без чего жить дальше невозможно. Ни вздохнуть, ни продохнуть... Но ведь это не так! И наверняка еще все можно изменить! Не привыкнуть, нет, а изменить. Все же в моей власти...

Я убеждала себя и убеждала, а в ушах все звучал нервный и неприязненный Ийкин голос и все ее нелепые, но для нее-то выстраданные и наверняка нелегко давшие ей слова.

– Женщина, я второй раз говорю вам – показывайте проездной документ!

Я не сразу поняла, что толстая контролерша обращается ко мне. Она увидела, что я не слушаю ее, и слегка постучала

меня по плечу.

– Билет? Да, конечно... – Я стала рыться в сумке, ища билет, который я только что положила туда, и проклиная себя за то, что выбросила мокрый платок. – Сейчас, где-то он тут... Я же прошла через турникет...

– Кто проходит, а кто и пролазит! Потому и проверяем! – объяснила мне контролер.

Увидев у меня в сумке кучу карточек с историями болезни, она сочувственно спросила:

– Врачиха, что ли? По вызовам ездешь?

– Ну да... Сейчас найду...

– Да ладно, не ищи! – она величественно махнула рукой и подмигнула мне. – Верю! По вам видно, что билет есть...

Я смотрела, как она пошла дальше по салону троллейбуса и уже похлопывала по плечу паренька, спавшего у окна, а сама продолжала машинально перебирать сумку, с ужасом понимая, что в сумке нет кошелька. В кошельке у меня была карточка, на нее только что перевели зарплату, плюс отдельно деньги на оплату квартиры за два месяца – зачем я только их снимала! Немного денег я хотела отвезти родителям сегодня вечером. Ужас, вот ужас-то! Неужели кто-то позарился на мою большую невразумительную сумку, когда я стояла на остановке и редела? А сумка, наверно, осталась открытой, когда я доставала носовой платок... Надо, конечно, вернуться на работу и попробовать поискать в кабинете, но... нет. Я не доставала на работе кошелек, незачем было.

Я быстро набрала номер, по которому надо звонить, если у тебя украли карточку, заблокировала счет. Громко сказано, конечно, «счет», но хотя бы зарплата останется целая. Через полсекунды мне пришла эсэмэска: кто-то успел купить на мою карточку... Я всмотрелась в название магазина – ну да, это магазин на той остановке, где я плакала и проворонила кошелек. Что-то успел купить, одним словом. Три китайских пальто, что ли? А что еще можно купить на всю мою зарплату, не сильно раздумывая... Ладно.

Беды ходят парами, тучами, толпами... В разных языках есть похожие пословицы. Значит, это правда для любого человека на земле. Странно, почему так? То ли человек слабеет от своей беды и не в силах бороться с новыми напастями? То ли здесь действует какой-то таинственный закон нашей жизни, о которой мы так мало знаем и не продвинулись за столетия ни на шаг в поисках главного ответа: зачем все это? То, что вокруг и внутри нас?

Я сошла на остановку раньше, решив сначала зайти к Грише, к которому меня не вызывали. Наверно, мне просто хотелось, чтобы кто-то посмотрел на меня с надеждой и любовью.

Я долго звонила в дверь, но никто не открывал. Уже собираясь уйти, я вдруг услышала голос мальчика за дверью:

– Это кто?

– Гришенька! Это Александра Витальевна. А мамы нет?

– Мама ушла...

– А ты не можешь открыть мне дверь?

Мальчик молчал.

– Гриша!.. Ну, хорошо... А мама давно ушла?

– Давно.

– А ты ел что-нибудь?

– Я не могу дверь на кухню открыть... Я случайно ее запер на защелку... И свет в комнате не включается...

– Понятно. Но ты ведь не плачешь, нет?

– Нет, – еле слышно ответил мне Гриша.

– Может, ты попробуешь как-нибудь мне дверь открыть?

– Мама сказала никому не открывать.

– Правильно, конечно. Гриша... как у тебя уши сегодня? Не болят?

– Болят.

– Ты в школу не ходил?

– Нет...

Я услышала, как мальчик подошел совсем близко к двери.

– Это вы?

– Я, конечно, я, Гриша. Ну все, малыш, ты не стой у двери, иди играй, мама скоро придет.

Хотелось бы в это верить...

Я ходила по вызовам до самого вечера, решив, что в справочное бюро я сегодня не поеду. Нет, наверно, никакого смысла так срочно разыскивать Ийку и бежать завтра к ней, если она прячется от меня в своей ракушке. Долго она в ней

не просидит, так мне кажется.

Домой спешить не надо было, и я могла дольше, чем обычно, слушать жалобы мамочек и бабушек моих маленьких пациентов. Я обратила внимание – если начинаешь вслушиваться и разговаривать, то тебе расскажут обо всем – о том, чем болеет папа, больше всего замужние женщины любят рассказывать о своих мужьях, и о том, сколько бы надо скопить денег на ремонт, а также о том, отчего вспучило все банки с заготовками в прошлом году... Так что в общем, если рассматривать вызовы как визиты к знакомым, можно считать, что мне даже повезло: кто же еще так много раз за неделю ходит в гости? Причем, если не отказываться, то можно и чаю попить, и пообедать, и пирожками угоститься... И так хорошо, если можно не спешить. Ведь тебя прождали целый день, у ребенка уже упала и снова поднялась температура, и маме хочется рассказать всю историю не только болезни своего дитя, но и своей собственной жизни, начиная с того момента, как она познакомилась с будущим отцом...

Когда оставался один вызов, позвонила администратор из поликлиники.

– Саш, ты сходи побыстрее на Твардовского, ладно? Последний адресок я тебе давала, помнишь? Папаша уже четыре раза звонил, матерился.

– Как раз иду, – вздохнула я. Есть все-таки некоторое отличие от похода в гости...

Три рыже-коричневых новых дома, построенных на са-

мом берегу Москвы-реки, немного испортили привычную идиллическую картину берега. Чистую пойму реки с низким берегом и далеко выдающимся мысом, на котором прекрасно разрослись за двадцать пять лет настоящие ивовые рощи, так красиво обрамляли белые многоэтажки, аккуратно повторявшие естественный ландшафт района – то вползая на пригорок, то спускаясь по пологому склону. Раньше мы часто гуляли на мысе с Ийкой. Ее любимой игрой было спрятаться от меня, по-настоящему, так, чтобы я искала и не могла найти. Однажды зимой, ей было лет шесть, она засыпала себя снегом и просидела в таком самодельном сугробе минут пятнадцать. Когда я вынула ее из сугроба, то не знала, плакать мне или смеяться, – на шапочке у лба от ее горячего дыхания повисли длинные сосульки, ресницы и челка заиндевели...

Размышляя, я прошла ворота во двор нужного мне дома, и теперь мне пришлось вернуться. Я нажала на кнопку звонка на металлической ограде, объяснила, что иду по вызову к ребенку. Кто-то невидимый открыл мне дверь, и я вошла во двор.

Это называется сейчас – жилье «бизнес-класса», элитная новостройка – для сделавших мощный прыжок через голову, из пионеров всей страны в ее же элиту. Вот, оказывается, о чем втайне мечтали мы, пионеры семидесятых и восьмидесятых, отдавая салют смотрящим в вечность бюстикам дедушки Ленина, – о туевых деревцах в подъездах фешене-

бельных домов, о ласковых консьержах, бдительно охраняющих вверенный им мирок от чужих, о швейцарских горнолыжных курортах, о школах для избранных детей, о закрытых клубах... Мы ведь мечтали о неравенстве, разве нет? О том, чтобы было видно, кто лучше, кто талантливее, кто сноровистей... Чтобы не под одну гребенку... А вышло вот оно как.

Неужели и моя дочка думала о том, чтобы любой ценой попасть к лучшим, к избранным? Если бы я знала... А если бы знала – то что? Готовила бы ее, как могла, к борьбе за свое место под солнцем? Борьбе без правил... Что бы я делала – не знаю... Но что-то делала я не так, это точно. И разобраться в один день не смогу. Ийка слишком хорошо таила от меня свои желания и страдания. Не от счастья же она ушла от меня. Но что упущено, где? И возможно ли было иначе? И почему ребенок получается совсем другим, чем хочется родителям...

В лифте я не сразу поняла, что женщина в туго застегнутом капюшоне, взглянувшая на меня, когда я вошла, с некоторым ужасом, – это я сама. Глядя в большое затененное зеркало, я сбросила капюшон, поправила выбившиеся волосы, которые утром, как обычно, на скорую руку стянула в невысокий хвост, и расстегнулась. Когда люди видят белый халат, их уже не интересует, почему ты пришила к шубе совсем не подходящую верхнюю пуговицу. Скорей бы уж ее снять, эту шубу... В Москве – полгода зима. Так почему у меня шесть

маечек на короткое лето и всего одна шуба? Одна на пятнадцать лет... Так быстро пролетевших с того прекрасного дня, когда мне показали прелестную, горько плачущую девочку со светлыми глазками и нежной кожицей. И я потом лежала в палате три часа до следующего кормления и думала лишь об одном: мне только что показали человечка, которого я буду любить всю жизнь, до самой смерти, и сильнее этой любви никакого чувства уже не будет.

Площадка на три квартиры закрывалась кованой черной решеткой. Весь подъезд был отделан в стиле средневекового замка. На стенах горели светильники в виде факелов, и не хватало только рыцарей, охраняющих покой маленьких детей, которые одинаково болеют и у элитных, и у обычных родителей, и неизвестно еще, у кого больше. Я позвонила в маленький золотой звоночек над числом «69», вдалеке раздалась бравурная мелодия. Дверь распахнулась на третьем аккорде, как в оперетте, и из нее вывалился очень импозантный и крайне разъяренный мужчина. Видимо, именно он и матерился, что я долго не иду к его ребенку.

– Вы что, через Братеево к нам добирались? Или как? – набросился он на меня, спеша высказать все, что накипело, пока я ходила по участку, и правда, не очень торопясь.

– Никогда не была в Братеево, – миролюбиво ответила я, снимая и протягивая ему свою шубу.

– Я мог восемнадцать раз уже вызвать платную «скорую»! Понимаете?

– А, собственно, почему не вызвали? – Я так и стояла, протягивая шубу папаше, а он вовсе не собирался ее брать. – Возьмите, пожалуйста...

Он взял, наконец, у меня шубу и небрежно бросил ее на низкий диванчик.

– Ботинки будете снимать?

Я оглядела холл и вздохнула. Тридцать четыре раза в день снимать и надевать ботинки со сломанным пятником на правой ноге... Но тут уж точно не прошлепаешь в уличной обуви... Белый дубовый пол и сверху на нем – огромный белый мягкий ковер. Бедный ребенок. Не пролить, не испачкать. Хотя, кто знает, возможно, дети в этой квартире счастливы оттого, что у них большие светлые комнаты, и белые полы, и мягкие ковры от самых дверей. Они счастливы их беречь и проливать гуашь и какао только в строго отведенных для этого местах.

Я на всякий случай поискала в сумке целлофановые бахилы, зная, что последние кончились еще часа два назад. Не нашла и наклонилась, чтобы расстегнуть ботинки. Папаша нетерпеливо ждал, пока я разуюсь, и уже протягивал мне огромные пластиковые шлепанцы. Я вошла в них, догадываясь, что это коммунальная обувь для служб сервиса – электриков, сантехников и заставляющих себя ждать районных врачей.

– Да пойдемте же скорей! – с досадой поторопил меня папаша.

Я взглянула в загорелое славянское лицо с чуть неправильным носом и серыми глазами. Наверно, эти глаза умеют смеяться, смотреть с любовью, обольщать и очаровывать... На меня сейчас они смотрели с неприязнью.

– Я бы еще хотела вымыть руки.

– Помойте! Вам некуда спешить, да? Дети подождут, правда?

– Да, мне сегодня некуда спешить, и я уже ко всем детям сходила. Ваш – последний.

Я спохватилась, вспомнив, что так и не взглянула в карточку, мальчик или девочка здесь болеет. Папаша меня не поправил, только демонстративно вздохнул и рукой указал на открытую дверь в одну из комнат. Вот, очевидно, о такой квартире втайне от меня мечтала моя Ийка.

Я опустила голову и прошла в комнату.

– Вы тоже болеете? – спросил меня папаша, услышав, как я шмыгнула носом.

– Нет, я плачу, – ответила я.

– О господи, час от часу не легче... То совсем дура приезжает, понос от насморка отличить не может, то эта вот теперь плачет, – объяснил он кому-то, скорей всего по телефону. Не мне же вслед он это сказал...

Мальчик лет трех, осунувшийся, бледный, лежал в красивой деревянной кровати и молча смотрел, как я вхожу, сажусь около него на энергично подставленный его папой стул. На столике рядом я тут же увидела целую батарею лекарств –

дорогие антибиотики, гомеопатические сиропы замедленного действия и разодранные, видимо, в крайней спешке, корочки со свечками, которые нужно хранить в холодильнике.

– У вас уже был врач? – оглянулась я на папашу.

– Был! То есть была. Посмотрите, пожалуйста, ребенка! – Папаша нервно дергал в руках какую-то мягкую игрушку, и от каждого его движения раздавался приятный мелодичный звук. Мальчик, глядя на игрушку, съежился еще больше.

– Конечно. – Я села так, чтобы не видеть разгоряченного папашу. – Ну, малыш, расскажи, что у тебя болит?

– Ничего, – тихо ответил мальчик.

– У него есть температура? – спросила я, чуть обернувшись.

– Да, все время высокая температура!

Папаша перебрался к окну, чтобы видеть меня. И я невольно заметила, какие у него стройные и крепкие ноги под просторными серыми штанами. Не заметила бы, если бы он этими ногами нервно не перебирал, как взбудораженный резервный конь, которого подготовили к скачкам, да не пустили. Спортивный, хорошо тренированный папа, очевидно, плохо справлялся с ролью сиделки. Где же мама, интересно? На работе? Я знаю пару таких перевернутых семей...

– Тут вот ему давали лекарство... – продолжил он уже спокойнее. – Вот это и, кажется, еще это. После какого-то порошка его затошнило. Я, знаете ли, просто не успел оформить полис в нормальную поликлинику. Поэтому вчера при-

шлось вызывать из Морозовской, там есть коммерческая неотложка, а сегодня решил попробовать из районной. Может, что скажут дельное...

Я достала спиртовую салфетку, протерла руки, раз папаша не захотел проводить меня в ванную, и после этого посмотрела у мальчика горло, живот, послушала легкие. Все как будто было в порядке.

Папаша стоял рядом и наблюдал, как я осматриваю его сынишку.

– Ничего не ест, пьет еле-еле...

Я внимательнее взглянула на мужчину. Нормальный вроде человек. Если забыть о классовом барьере, о котором он сам ни на секунду не забывает.

– Он всегда у вас такой худенький, с рождения?

Папаша нервно пожал плечами:

– Н-не знаю... Он совершенно здоровый родился, нормальный!

– Да малыш и сейчас нормальный... Ну, хорошо.

Я еще послушала у ребенка сердечко, внимательнее осмотрела его всего. Мне показалось, что мальчик чего-то боится.

– Простите, – я взглянула на нервного папашу, за это время успевшего сложить в самолетики и развернуть обратно несколько бумажных салфеток, лежавших на подоконнике. – У вашего сына не было травмы, шока?

Я спросила просто так, можно было начать и с других,

обычных вопросов. Папаша отчего-то дернулся и отвел глаза.

– А какое это имеет отношение к гриппу?

– Почему вы думаете, что у мальчика грипп? Я не вижу пока никаких признаков. Да и потом, у нас в районе совсем другой грипп, без высокой температуры, с другими симптомами...

– Я не знаю, что у вас в районе!.. – закричал вдруг он. – Меня это не интересует! Район – сам по себе, а мой сын – это мой сын! У него не должно быть коммунальных болезней! Я не для этого вкалываю!.. – Папаша перевел дух. – Но я вижу, что никто из вас не может помочь моему сыну! Ему плохо! Вы, что, не видите?

– Вижу. Не кричите, пожалуйста, и... принесите мне чистую ложку.

Он выразительно посмотрел на меня, как будто я просила ложку, чтобы покушать вместе с ним борща со сметаной, и вышел из комнаты.

– Как тебя зовут?

– Ваня... И... Вадик, – не сразу ответил мне малыш, очень тихо.

– Ваня и Вадик? – удивилась я.

– Нет, Ва-адик, – поправил меня мальчик, и я поняла, что он не может выговорить сложное для него слово.

– Владик?

– Да, – кивнул мальчик, ни разу не улыбнувшись.

– Понятно... А тебе как больше нравится? Какое имя?

Мальчик молчал.

– Хорошо, а как тебя зовет мама?

Малыш посмотрел на меня и очень тихо ответил:

– Ваня.

– Ясно. Дать тебе какую-нибудь игрушку?

– Нет.

– А ты папу любишь?

– Да.

– А маму?

Мальчик, который до этого лежал замерев, вцепившись ручками в край одеяла, вдруг набрал полные глаза слез и стал часто-часто дышать.

– Ты что, Ванечка...

– Моего сына зовут Владик! Вла-дик! Вы слышите меня? – закричал, входя в комнату быстрыми шагами, его папа.

Я растерялась.

– Ну... хорошо, конечно... Может быть, вы мне все-таки скажете... У вас в семье что-то произошло? Да? У вас какие-то проблемы?

– Это вас не касается! – Папаша сильно ударился плечом о невысокий детский шкафчик и теперь, морщась, потирал свое крепкое тренированное плечо.

– Сядьте, пожалуйста. Я вижу, что с мальчиком что-то не в порядке. Похоже, он пережил какую-то неприятную сцену или... Не важно, можете не рассказывать. Я бы посоветовала

не давать пока ему никаких антибиотиков... Просто больше давайте пить. И вот... – я быстро написала рецепт и протянула ему, – закажите в аптеке успокоительную микстуру. У вас есть кому сходить в аптеку?

Он посмотрел на меня, как на ненормальную.

– Естественно.

– Просто необычно – отец сидит с ребенком...

– Завтра придет няня... – устало ответил папа Владика и сел на другой стул напротив меня.

Я взяла мальчика за руку и через некоторое время почувствовала, как напряженная ручка разжалась в моей ладони.

– Жил-был один старый дровосек в глухом темном лесу...

Я стала рассказывать ему шведскую сказку, которую недавно читала своему пациенту Грише, помня, что раньше она очень нравилась Ййке, она даже переставала следить за тенями на потолке и стенах...

Владик слушал внимательно и через некоторое время стал прикрывать глаза. Я дождалась, пока он заснет, и встала. Папаша, все время сидевший рядом, сделал мне знак, чтобы я не разговаривала.

Когда мы вышли из комнаты, он объяснил мне:

– Он так чутко спит... А если проснется, то потом никак не засыпает.

– И вечером, наверно, долго не может уснуть, да?

– Да...

– А вы не заставляйте его ложиться спать слишком рано.

Если вы последите, то обратите внимание, в какое время малыш лучше всего засыпает, тогда и укладывайте. Даже если это окажется одиннадцать часов, значит, это его время, раньше только сами мучаться будете и его мучить.

Папаша кивал головой, похоже, думая о своем.

– А у вас есть дети? – вдруг спросил он.

– Есть.

– А муж?

– А мужа нет, – ответила я, как обычно чувствуя себя при этом так, как будто мне пришлось признаться-у меня нет ни одного своего зуба и ни одного волоса на голове. Почему бы не произносить это так, как будто я отвечаю: «У меня нет никаких проблем со здоровьем!» или: «У меня нет врагов!»

– Ясно. А вот у нас... – Он остановился и, видимо, попытался улыбнуться – получилась ужасная, мученическая гримаса. – Спасибо. Вы придете завтра?

И что мне ему давать? Я имею в виду... есть... пить... таблетки какие?

Я посмотрела на растерянного папашу. Он несколько секунд выдержал мой взгляд, а потом отвел глаза.

– А никакой женщины нет у вас, которая могла бы помочь?

Он вдруг засмеялся.

– Есть очень много женщин, но я не хочу, чтобы мне помогали. Я специально объявил на фирме внеочередные каникулы. Ничего, не обеднеем! Пусть все тоже позанимаются

со своими детьми. И сам вот... пытаюсь... – Он посмотрел на меня. – Вы младше меня или старше?

От неожиданности я ответила не сразу.

– Думаю, что младше. Или старше...

– Я тоже так думаю. – Мужчина улыбнулся и взъерошил свои и без того взъерошенные волосы. – Думаю, что старше. Ну то есть... в хорошем смысле.

– Само собой! – кивнула я.

Я видела, что надо ему помочь, бедному папе маленького Владика-Вани.

– Давайте я напишу, что вам надо делать с мальчиком, пока он болеет. Только дайте мне лист бумаги или тетрадку, ручка у меня есть.

– Конечно, – обрадовался он.

Я села на диванчик в прихожей.

– А... может, вы пройдете на кухню?

Я кивнула и пошла за ним в большую кухню, соединенную широкой аркой с другой комнатой, очевидно гостиной. По дороге я потеряла с ноги один огромный тапок. Наклонившись, чтобы поднять его, я увидела на полу, на светлом дереве, еле заметное бурое пятно. В середине оно отмылось, но края четко обозначались ярким ржавым ободком. Ничего себе... То, как не отмывается, въедается кровь, особенно с натуральных тканей и поверхностей, спутать с чем-то трудно. Отец мальчика оглянулся на меня и, видимо, заметив ужас на моем лице, тут же решительно подошел ко мне.

– Это я упал, – внятно произнес он. – Выпил и упал, понимаете? Разбил губу. Было много крови. Ясно? Я никого не убивал.

– Точно? – спросила я, имея в виду пошутить.

– Точно, – вздохнул папаша. – И очень об этом жалею.

Почему-то мне показалось, что он говорит правду. Я взяла в руки потерянный тапок вместе со вторым и прошла на кухню. Там я села за стол и немного огляделась. Похоже, папаша не первый день шуровал тут один... Бумаги вперемешку с какими-то счетами, игрушки, полупустые банки из-под дорогого фруктового пюре, фломастеры без колпачков, включенный ноутбук в режиме ожидания, на котором сиротливо висел маленький полосатый носок...

Папаша принес мне тетрадь и одним движением сдвинул все в сторону на столе.

– Располагайтесь. Хотите чаю?

– Да, спасибо.

– Какого?

– Любого. Лучше зеленого, если есть.

– Зеленого? – Он с сомнением открыл один шкафчик, другой... – Точно был... А кофе растворимый не подойдет?

– Подойдет, конечно, – торопливо кивнула я и стала писать.

Он подключил мгновенно закипевший полупустой чайник, налил мне кофе и встал напротив, прислонившись к мойке.

– Он заболел, когда ушла Маша.

Я посмотрела на него. А он не отвел глаз и прямо смотрел на меня, как смелый большой мальчик, наконец решившийся прийти в поликлинику со своим ужасным, постоянно ноющим, расковыранным чирьем в самом стыдном месте.

– Понятно, – осторожно произнесла я и отпила несладкий кофе.

– А перед тем, как уйти, она... Ну, в общем... Маша очень... гм... переживала, и Владик все видел...

Я постаралась спросить очень аккуратно:

– Ему... не досталось при этом?

– Нет, – быстро ответил мужчина. – Ну, то есть... наверно... может быть... Тут такое было... – Он замолчал и отвернулся к окну. – Напишите, если не сложно, чем его кормить... Вернее, что нельзя давать. Там, знаете, грибы маринованные... И что еще?

Я кивнула:

– Конечно. Я уже начала писать.

Он опять повернулся ко мне.

– Маша сильно его толкнула, но он не ушибся, а только испугался... Просто... пролетел через весь холл и удачно упал... Ну и... еще она его трясла, долго, я никак не мог отобрать его.

– Зачем?

– Что – зачем?! – повысил он голос и тут же осекся.

– Зачем трясла?

– Простите. Она... Машенька очень молодая... Вы не хотите выпить? Немного?

Я с сомнением посмотрела на мужчину. Он сразу правильно понял мой взгляд.

– Да вы не волнуйтесь! Я никогда не напиваюсь. Точнее – редко. Это случайно происходит – от усталости чаще всего. Просто... – не дожидаясь моего ответа, он достал две рюмки и початую бутылку вина. – Вот видите, это я вчера открыл. Сегодня еще не пил. Сухое... почти что виноградный сок...

Он пододвинул ко мне высокую рюмку.

– Попробуйте, хорошее вино. Вообще сухое вино полезно... гм... для расширения сосудов. Даже лучше, чем коньяк... Вы согласны? Так ведь обычно врачи говорят...

– Да-да, некоторые говорят... А вот скажите, у Владика есть... бабушка, дедушка? – осторожно спросила я.

– Есть, – через короткую паузу ответил папа Владика.

Прищурясь, он несколько секунд смотрел в окно, в котором повисла влажная пелена мартовских сумерек, потом взглянул на меня, сделал несколько больших глотков вина и отставил рюмку.

– Маша его трясла, потому что хотела уйти. От меня, от него. И пыталась ему это сказать... Ей ведь непросто было уйти. Да я еще не пускал.

– Вы сказали, что она очень молода?

– Да, моей жене только что исполнилось двадцать лет. Владика – три с половиной. А мне – тридцать девять. Пони-

маете, да? Просто я влюбился в нее. До этого я женат не был. Были всякие варианты, но ничего серьезного, без детей... По крайней мере, я не знаю, никто детей не предьявлял... – Мужчина посмотрел на меня, чтобы удостовериться, что я внимаю ему. Мне пришлось кивнуть. – Я мотался по стране, пока сколачивал свой бизнес... Когда, наконец, и деньги пошли, и надоело знакомиться каждую пятницу на два дня... я увидел Машу... Она... – Он взглянул на меня и почему-то вздохнул. – Она в десятый класс не пошла, работала в турфирме. Я пришел туда за путевкой, хотел один поехать куда-нибудь на недельку расслабиться... А поехал с ней. Она сразу, на второй месяц забеременела. Ни в какую не хотела рожать, да и замуж не очень стремилась – просто она еще не видела ничего, не набегалась... И потом, она красавица такая... Хотите, покажу фотографию?

Я опять кивнула, стараясь подавить вздох. Вот ненавижу таких мужчин! С неразделенной страстью к вероломным Лолитам. Будет всю жизнь ныть и всем рассказывать, как он ее нежно любил...

Папа Владика быстро сходил и принес огромный фотоальбом. О, нет. Если сейчас начнутся фотографии свадебной церемонии, родственников и школьных друзей... Но он открыл альбом и показал мне только одну фотографию. Высокая стройная девушка с длинными светлыми волосами, сильно накрашенным ртом смотрела в камеру небольшими цепкими глазами и смеялась. Я представила, как она трясла ма-

ленького Владика и бросила его через весь холл, площадью не меньше тридцати квадратных метров, почти как вся наша с Ийкой квартира.

Я заметила, что папаша выжидательно смотрит на меня. Что я должна была сказать? Что Маша – действительно красавица и что мне очень жалко его, бедного?

– Да, – кивнула я. – Очень здорово.

– Что здорово? – нахмурился он.

Я пожала плечами. «Красивый у тебя чирей, малыш, – могла бы ответить я бедняге. – Могу себе представить, как болит и мешает жить...» Но вместо этого спросила:

– А куда она ушла? К родителям?

Мужчина глубоко вздохнул:

– Да если бы! В модельный бизнес. Она высокая, все параметры... Ну вы сами видите. Модель! Сняла с какой-то девчонкой квартиру... Еще раньше сняла... Все подготовила, понимаете?

– А она что, не могла заниматься этим, живя здесь, с Владиком и вами?

– Нет, конечно, – удивился он. – Я же ей не разрешал. Я хотел, чтобы у меня была нормальная ухоженная жена, которая спала бы до десяти утра вместе с малышом, потом бы с ним гуляла и ждала бы вечера, делала маникюр, салаты... смотрела телевизор... ходила бы за покупками, там... шоппинг, торговые центры... ну, как обычно... спокойно, нормально... Какой модельный бизнес, вы что?

– Понятно. И с того дня Владик болеет?

– Наверно. То есть... Это было в позапрошлую пятницу, значит, уже третья неделя пошла... – Он удивленно посмотрел на календарь. – Да, точно. Не понимаю... Как время полетело вдруг! Первые дни ползло, я все ждал, что она вернется. Полчаса проходило, час, еще час – и все ни с места. И телефон она выключила. Оба телефона. Поменяла номера, может быть, не знаю... Две недели уже... – Он резко допил вино. – Я не думал, что так бывает, понимаете? Я считал, что наконец нашел свою девушку, понимаете? Что она совсем другая, что она не сможет уйти от меня... Да и никто никогда не уходил от меня! Наоборот! Все соплюхи цеплялись как могли, а уж женщины постарше...

Я терпеливо слушала, хотя больше всего мне хотелось попросить его засунуть голову под кран с ледяной водой и постоять так, пока голова не начнет гореть от холода. Когда он перевел дух и замолчал, я осторожно спросила:

– А что, все время такая температура?

Он непонимающе посмотрел на меня, потом пошевелил шеей, вздохнул и не сразу ответил:

– У Владика? Не знаю. Нет, наверно... Владик вообще первые дни как-то болтался... Я даже не знаю... Приходила женщина, гулять с ним, няня вроде, но она меня так доставала! В общем... сейчас она уже не приходит, надо кого-то искать. Да, наверно, и раньше была температура, мне как-то показалось, что он горячий... Есть ничего не хотел, а я еще

стал орать на него... Он так испугался, встал на четвереньки, как зверек, и побежал от меня под низкий столик, где я не мог достать его.

– А жена ваша шлепала его?

– Думаю, да. Владик тоже не всегда бывает прав... – сдержанно ответил папаша. – Имеет свое мнение, неверное. Но вообще мне неприятно об этом говорить. Кто кого... шлепал.

«Уж как мне-то приятно!» – подумала я, но ничего бедолаге не сказала.

– Молодую няню не берите, – посоветовала я. – Лучше всего моложавую пенсионерку, которая уже вырастила своих детей и внуков. Вменяемую и доброжелательную. По возможности благополучную москвичку.

– Ясно, учту. Хотите еще кофе или вина?

– Нет. Спасибо. Вот, смотрите, я все вам написала, если вы действительно хотите что-то знать о ребенке. Не кормите насильно, присмотритесь, что он любит. И няне то же самое скажите. Я позвоню завтра, узнаю, как ваш Владик.

– Спасибо, – сказал папаша и протянул мне купюру то ли в двадцать, то ли в десять, а может, и в пятьдесят евро. Я мельком увидела только ноль на сложенной бумажке.

Я посмотрела ему в глаза. Он смотрел на меня уже не так неприязненно, как вначале. Если бы я могла купить на эти деньги большую светлую комнату для Ийки и маленький французский автомобиль – яркий, глазастый, сверкающий

чистыми круглыми боками, – я бы обязательно взяла их у благодарного папаши.

– Не нужно, спасибо.

– Как это? – искренне удивился папаша.

Как я не люблю таких ситуаций!

– Давайте как-нибудь... потом. Спасибо, – покачала я головой и пошла одеваться.

Он догнал меня и встал посреди коридора, не давая мне пройти.

– Этого мало, да?

Я обошла его и села на диванчик, чтобы надеть сапоги.

– Скорей всего, у вашего сына шок от всего, что произошло. Может быть, и температура от этого. Но лучше сдать кровь и другие анализы. Я выписала вам все направления, они лежат на кухне. Там есть еще мои телефоны, мобильный и домашний, в кабинете телефона нет. Если станет хуже малышу или появятся какие-то срочные вопросы – звоните, не стесняйтесь. Мне многие звонят.

Он неожиданно присел передо мной на корточки:

– Объясните мне...

– Что?

Я посмотрела ему в лицо. Сейчас он сидел рядом со мной и наверняка видел мои уставшие за эти дни от слез глаза. А я видела синяки у него под глазами. Да, он говорил, что мальчик плохо спит и он, естественно, не спит вместе с ним. Скорей всего, сам-то папаша засыпает, а малыш его будит,

как когда-то будила меня

Ийка. Если она вдруг просыпалась ночью или не могла заснуть вечером, то сильно трясла меня ручкой за плечо и громко говорила в темноте: «Мам, не спи! Повернись ко мне!»

Папаша улыбнулся. Вблизи его лицо показалось мне очень симпатичным.

– Вы так сейчас смотрите на меня... – Он по-прежнему сидел передо мной на корточках и на самом-то деле смотрел на меня он, а я ушла в воспоминания. Мне сейчас все дети – маленькие, большие – чем-то напоминали мою Ийку. – Так смотрите, как будто мне три с половиной года...

– А мне – сто, правильно? – договорила за него я. – Так и есть. Мужчины никогда не вырастают до конца. Не теряют маленького мальчика внутри себя, – пояснила я в ответ на его ироничный взгляд. – Они капризны, как малыши, эгоистичны, непостоянны, легко увлекаются, любят играть, менять игрушки, ломать их, делать больно и смотреть – что из этого получится...

Наверно, он ожидал более суровых слов и облегченно засмеялся. Поэтому я продолжила:

– Не пейте много вина, папа Владика. Не так уж оно полезно. Лучше принимайте ту же микстуру, что я выписала для вашего сына.

– Хорошо, тетя доктор, – вздохнул тот. – Вы позволите? – он взял мою правую ногу за щиколотку и впихнул ее в сапог,

потом встал с корточек, чтобы подать мне мою неказистую шубку, которая была очень симпатичной при покупке, когда я, счастливая, ждала Ийку... – Пить не буду. И Владика обижать не буду. Вы ведь об этом думаете?

Я кивнула. Мне хотелось сказать: «И больше не плачьте о своей супер-Маше с маленькими хищными глазками», – но я пожалела Владика. Вряд ли его папа вызовет меня после таких слов, а я хотела еще хотя бы раз увидеть этого грустного малыша и чем-то помочь ему.

По дороге домой я решила зайти в магазин и чего-нибудь купить на ужин, у меня, кажется, закончились даже хлеб и чай... И вдруг я с ужасом поняла – да как же я зайду в магазин?! У меня ведь сегодня украли кошелек! Я как-то совершенно забыла об этом... И что бы мне было не взять денег у папаши Владика? Но как было брать деньги за то, что я выслушала бедного брошенного мужа, оставленного коварной юной моделью с малышом на руках? Может, вернуться, сказать: «Ладно, давайте свои деньги. Я вам помогла, теперь вы мне помогите, а то я ведь тоже бедная, вы просто меня не спросили, как у меня дела... А так бы могли поплакаться друг другу...»

У меня вдруг мелькнула неожиданная мысль, даже несколько развеселившая меня: а ведь хорошо, что Ийки нет. Чем бы я ее кормила? Небогатые запасы, которые у меня были, отданы в беспросветный кредит подружке Настьке. А как не дать, если у той двоих кормить нечем? Есть, конечно,

«летние» деньги на второй карточке, которые что-то никак не копятяся в этом году, не до лета пока...

Да, плохо. Все плохо. Ну и ладно. Те, что ходят толпами, тучами, стаями, наверняка походят-походят вокруг меня, да и пойдут мимо... Что еще с меня можно взять? Нет, стоп. Говорить так нельзя. У меня еще есть здоровье, у меня есть старенькие родители. Кстати, надо позвонить им.

Услышав голос папы, я, как всегда, почувствовала тепло и радость.

– Сашенька! Может, приедешь? Мама испекла венский пирог, который ты любишь, и слоеные пирожки с яблоками... Иечке привезешь гостинец... Как, дочка?

Я секунду помедлила и решила зайти домой, чтобы взять деньги на дорогу и на фрукты моим старичкам. Я точно помнила, что, когда стирала куртку, нашла в кармане две сторублевые бумажки... И вообще, если по дому поискать, можно еще что-то найти, в старом кошельке, например, или в копилке...

– Да, папуль, приеду, через часок.

– А Ийку не возьмешь?

– Ийку... Нет, наверно... Я спрошу у нее. Боюсь, у нее уроков много.

Папа чуть помолчал, скорее всего, услышал в моем голосе фальшь.

– У вас все хорошо, дочка?

– Да, папуль, отлично. Мы здоровы, целую! – быстро от-

ветила я и нажала отбой.

Смогу ли я продержаться и не рассказать родителям о том, что у нас произошло? Но ведь все равно когда-то придется рассказывать. А вдруг Ийка вернется? Сегодня? Завтра... Или чуть попозже... Я сама не верила в это, чувствовала, что так просто все не закончится, но говорить родителям решила именно так.

Мне трудно врать. Не считаю это особым своим достоинством – ведь часто вранье помогает строить нормальные, доброжелательные отношения с посторонними и щадить близких. Но чтобы соврать хорошо и достоверно, мне нужно сделать усилие над собой, а потом еще запомнить, что именно соврала, и не перепутать в следующий раз. Вот Ийке всегда было легко врать, с четырех лет она легко и просто могла обмануть кого угодно и чувствовать себя при этом хорошо. Я пыталась наказывать ее, не сурово, но так, чтобы запомнилось, что удобное тебе вранье – не единственный способ общаться с окружающим миром. Я лишала ее мультиков, убирала любимую игрушку на пару дней. Ийка страдала, но врать не переставала. Первый ее ход в сомнительной для нее и трудной ситуации – извернуться, чтобы не оказаться виноватой.

Со временем я стала надеяться, что эта ее способность найдет какое-нибудь творческое воплощение – например, она станет придумывать истории, что-то писать... Но нет. Кнопочка вранья включается у нее только тогда, когда нужно

избежать моего гнева. Наверно, так происходит и в школе. Учителя, скорей всего, об этом и не догадываются. Учится Ийка средне, вежлива и скромна, и если бы не редкое имя, ее бы точно путали с другими, ничем не выделяющимися девочками. А так учителя пожимают плечами и говорят: «Ия? Да все нормально...»

Глава 3

*А я в придорожной канаве
На дне
Печально лежу у себя
На спине...*

Рената Муха

На следующий день у меня были груднички, ранний утренний прием, я проснулась еще до того, как телефон успел сообщить: «Шесть часов тридцать две минуты». Я всегда ставлю часы на неровное число минут, почему-то от этого мне не так грустно пять дней в неделю вставать по команде. На самом деле без Ийки подниматься так рано было совсем не нужно, потому что половины обязанностей не было. Не буду же я для себя варить овсяную кашу или печь легкие блинчики с изюмом и корицей с утра пораньше.

Я встала сразу, еще до того, как меня стали бы одолевать невеселые мысли. Вот выйду на улицу и обо всем подумаю, там плакать особо не расплачешься, надо следить за марш-рутом, не попасть под машину, одной рукой держать сумку, чтобы не утащили еще и ключи от квартиры с двумя пианино, другой придерживать шарф около рта, стараясь не глотать колющий морозный воздух, – в общем, полная занятость. Это не совсем то, что в тепле и уюте постели оплаки-

вать все свое несостоявшееся и несбывшееся.

Я выпила чашку невкусного чая с молоком и попыталась съесть мамин пирожок с яблоками, который она мне вчера впихнула в сумку «для Ийки». Я подступалась-подступалась к главной теме дня, глядя на своих родителей, бесконечно любящих нас с Ийкой, – на оживленную, бестолково толкующуюся по кухне маму и на принарядившегося к моему приходу совершенно беспомощного папу, – да так ничего и не сказала.

Сейчас пирожок в горло не полез, и я сразу вспомнила маленького Владика, который не хотел ни есть, ни пить. Еще бы... Если мама, центр и основа мироздания, бросит тебя, как ненужную игрушку, через весь коридор и уйдет, унеся с собой тепло, свой запах, свое большое тело, около которого не холодно и не страшно, то какие уж тут фруктовые пюре и тефтели из баночки! Выйдя из дома на полчаса раньше нужного времени, я решила заставить себя дойти пешком до поликлиники. Я видела, как к остановке как раз подъехал мой автобус, но мужественно прошла мимо, зная, что ничто так не успокаивает нервы, как самые простые, древнейшие и дремучие рецепты – быстро ходить, загружать себя работой, умываться ледяной водой поочередно с горячей, пока не перестанешь ощущать разницу...

Хочется поплакать – наплюй на косметику, включи воду и подставляй безжалостно лицо воде, минуту, две, три... Потом разотри его самым жестким полотенцем и собери мыш-

цы на лице в подобие улыбки. Мат медсестры Нины Ивановны – в моем случае – обеспечен как минимум.

Вчера мы так и вели прием. Мамаша с детенышем за дверь – я бегом к раковине и лицо под воду. Нин Иванна, не поднимая головы от очередной карточки, вздыхает: «Ну, что ж ты замаялась вся, а! Хлопни пивка и заешь мятной жвачкой, не майся! А я не скажу никому...» Нин Иванна меня не очень любит и мечтает, чтобы ее перевели к другому врачу. Я вполне разделяю ее чувства и тоже не очень люблю. Я знаю, что многие медсестры ближе к шестидесяти годам перестают понимать, почему они не врачи и почему какая-то сопливая, самоуверенная врачиха хочет делать все по-своему – по-новому или, наоборот, по давно забытому старому.

Вдалеке, над самой рекой, были видны силуэты новых домов, в одном из которых спал сейчас маленький Владик. Я решила позвонить его отцу чуть попозже, а сначала узнать, как дела у моего подопечного Гриши, который вчера никак не мог открыть дверь на кухню.

– Да, алло... – с трудом ответила мне его мама Лиля. – Кто?

– Лиля, здравствуйте, это Александра Витальевна, врач.

– О господи... сейчас...

Из трубки донесся недовольный мужской голос, и мне стало ясно, что вчерашние поиски папы для Гриши завершились в однокомнатной Лилиной квартире, на большом красном диване, который всегда стоит разложенный, со смятым

тигровым бельем.

– Вы простите, Лиля, просто я вчера приходила...

– Он разве болеет? Я же не вызывала вас... – Голос у Гришиной мамы был со сна с хрипотцой, но, как обычно, доброжелательный и приятный.

– Нет, но я просто волнуюсь, как он.

– Да нормально! – Лиля зевнула. – Ой, извините.

– А он пойдет в музыкальную школу сегодня?

– В музыкальную школу? – Гришина мама как будто удивилась. – Ну да, кажется, надо... Там расписание поменялось... Он вообще-то у соседки ночует! Ну, вы знаете, у Гали, у которой корь у детей... – Она запнулась. – Ну, то есть... у них уже нет температуры...

Я нажала на «отбой», чтобы не выругаться. Иногда я жалею, что ни мои интеллигентные родители, ни вся взрослая жизнь не научили меня ругаться матом, так, чтобы врагам тошно стало. Бей врага его оружием. Что, к примеру, Лиле или Нин Иванне мои «Извините, вы, кажется, не очень хорошо поступаете»? Плюнут, разотрут и дальше пойдут. А вот если бы я... Я одернула сама себя. И пошел бы весь мир, растопыря пальцы и матерясь. Так, что ли?

Перейдя дорогу, я достала медицинскую карточку Владика и набрала их домашний номер. Его папа, к счастью, не спал и ответил сразу:

– Слушаю.

– Здравствуйте, это врач из районной поликлиники, я вче-

ра у вас была...

– Да, помню, конечно! – Мне показалось, что он обрадовался. – А Владик как уснул вчера, так и спит до сих пор. Я даже уже волнуюсь, но он так спокойно дышит...

– А температура есть у него?

Папа Владика растерялся:

– Температура? А как же я узнаю, если он спит?

– А вы потрогайте лоб губами или своим лбом, сразу почувствуете.

– Хорошо.

Я услышала, как он идет к мальчику. Несколько мгновений он молчал, и я слышала только его дыхание, потом ответил:

– Вроде прохладный лоб... Но я точно не понял.

– Знаете, я вчера не сказала вам... Это очень важно... – Я прекрасно знаю, как мужчины относятся к подобным вещам, и поэтому хотела найти нужные слова, чтобы не спугнуть его. – Вам нужно сейчас с Владиком обращаться... как бы сказать... очень мягко, не ругать и, главное, стараться больше брать его на руки... целовать, гладить. Ему это сейчас очень нужно.

Я ожидала, что он в ответ хмыкнет или скажет что-то вроде «У меня мужик растет!», как часто заявляют папы в ответ на мои предложения меньше бить своих детей и воспитывать не только наказаниями и ором. Но он помолчал и сказал:

– Хорошо, я понял.

– До свидания, я буду звонить, узнавать, как у мальчика дела. Постарайтесь сделать ему хотя бы общий анализ крови, просто чтобы убедиться, что все в порядке. И кормите его, по возможности, почаще и повкуснее. Лучше что-то сварить, домашнее. Хотя бы просто пюре. Но не из банки. Хорошо?

– Спасибо... м-м-м... Простите, как вас зовут?

– Александра Витальевна.

Как зовут растерянного папу Владика, я так тогда и не посмотрела, побыстрее запихнув замерзшими руками карточку в сумку. Небывалый мороз в конце марта создавал странное ощущение – как будто никогда не было и не будет больше лета и тепла. Бесконечная темная зима, когда снег с дождем – как подарок после трескучих морозов, от которых ночью падают замерзшие голуби и невозможно по утрам глубоко вдохнуть ледяной, распирающий горло воздух.

Я отправилась к поликлинике по большому кольцу – напрямик я бы давно уже была там. Шла ровным быстрым шагом, обгоняя спешащих к остановкам студентов и служащих, и думала о жизни. Одиночество способствует размышлениям – естественная и иногда очень полезная компенсация.

... После Вадика Хисейкина я сделала еще одну попытку выйти замуж. Вадика я уже не любила, прошло лет пять после развода. Сережу знала давно, почти четыре года, и успела приноровиться к его привычкам. А это так важно, чтобы не раздражали, скажем, пряный запах табака или пристрастие к большим мохнатым собакам, которые моются в той же ванне,

что и хозяева, с удовольствием спят в их постелях, садятся за общий стол и ревниво оберегают хозяина и его личные вещи. У Сережи был как раз такой пес – душевный, громогласный, слюнявый, большой любитель человеческой еды и даже напитков. Огромный сенбернар Кузя привык допивать хозяйское пиво и баловаться пирожками, докторской колбаской, рассольником и изюмом. И я к Кузе привыкнуть-то привыкла, но не полюбила – ни его, ни другие Сережины холостяцкие привычки, вполне сносные и нормальные. И вместо свадебного путешествия к его маме в Казань поехала с Ийкой в «Артек».

Я работала там врачом, так что мы еще и деньги получили за наш почти двухмесячный отдых на море. Я договорилась в своей поликлинике, мне продлили отпуск, и потом еще две недели мы провели в Гурзуфе. Ийка посвежела, прозрачные серые глаза на тонком загорелом личике просто светились, ее без устали фотографировали, рисовали местные и приезжие художники, и она сама карандашиками рисовала огромные, диковинные цветы, падающие в море, вырастающие из моря...

Когда мы вернулись в Москву, меня ждало короткое письмо от бывшего друга и жениха Сережи, которому бы радоваться и радоваться, что я не пошла с ним под венец, не лишила его драгоценной свободы. Но он в нескольких грубых выражениях постарался обидеть меня, чтобы хоть как-то отомстить. Я поняла, что Сережа очень растерялся.

Иногда мне кажется, что мужчины вообще больше растеряны в жизни, чем женщины. Может быть, потому, что для них не так четко сформулирована их задача в этом мире. У женщин ведь все относительно просто, продолжение жизни на Земле – основная и конечная цель, она заложена глубоко, ежемесячная цикличность женского организма не дает забывать об этом ни одной женщине. И ни один самый скептический философ не отважится сказать: «А в чем тут смысл?», глядя на крошечное, радостное, чистое существо, требующее самого главного и драгоценного, что есть у любого человека, – любви. Смысл – в радости и любви.

Мужчина же мается на Земле, играет, пьет, скучает, пытается развлечь себя всеми возможными способами, создает средства уничтожения себе подобных, несовершенные средства передвижения по планете, выдумывает, как бы полочее сделать так, чтобы удовольствия было больше, а детей – меньше. И больше всего озабочен тем, как стать главным. Не удовлетворяясь, мается.

«А ты не страдаешь и не маешься? – может спросить меня сейчас какой-нибудь любитель ледяного пива и быстро катящихся по траве мячиков. – Тебе сегодня хорошо, продолжательница рода?»

Нет, мне тоже плохо. Любя Ийку больше всего на свете, я что-то явно сделала не так. Я, наверно, должна была все эти годы сидеть дома и растить свою дочку, с утра до вечера заниматься ею, следить за каждым маленьким достижением.

ми в музыке и рисовании, подбадривать и вселять в нее уверенность в своих талантах.

А на моем участке детей мог бы лечить, к примеру, бывший муж Вадик, если бы после окончания мединститута пошел работать в поликлинику И не развернулся бы он сейчас, и не стал бы директором и хозяином одной из многочисленных клиник пластической хирургии, где можно обрезать трясущиеся складки на ляжках, натянуть обвислые веки и поддуть парафином сморщенные губы. Правда, к хирургии и косметологии он не имеет никакого отношения, он педиатр, как и я, но пациенты, приходящие к нему, его об этом не спрашивают. Украшена стена орнаментом из разноцветных дипломов, половина из которых не стоит ничего, – и ладно.

Если бы, если бы... Что об этом думать! Все случилось, как случилось. Вадик был в ужасе, узнав, что девушка, которая ошибочно принимала его приглашения переспать с ним за объяснения в любви, собирается зачем-то рожать. И когда родилась Ийка, он никак не мог взять в толк, почему должен теперь думать о ком-то другом, кроме себя. Но самое главное было не в этом. Я любила какое-то время Вадика, а он меня – нет. Мало ли девушек может встретиться в двадцать пять лет! Под давлением своих порядочных родителей и на удивление единодушных друзей он сделал мне предложение, но ни одного дня больше не радовался рядом со мной.

Его раздражало, как я ем, как краснею, как у меня весной выступают веснушки, как непослушные волосы вылезают из

любой прически, из самого тугого хвоста. Он кривился, когда я читала детективы, и искренне недоумевал, видя у меня книжку Бунина или Чехова. Он любил жареную рыбу, а я – вареную куриную грудку, он терпеть не мог запах моих любимых духов, нежных и ненавязчивых, а я – запах свежего чеснока, без которого Вадик не обедал и не ужинал.

Если бы разводы были запрещены, мы бы и дальше жили – в разных комнатах или по разным углам одной гостиной (она же спальня, и столовая, и домашняя библиотека). А так – каждый обрел свободу и возможность жить без ненависти и без привычного, утомительного и удручающего вранья. «Ты почему такой сегодня?» – «Да нет, я просто устал». – «А вчера?» – «И вчера устал». – «А завтра тоже устанешь?» – «Вот ты и накаркала...»

Первое время мне было плохо и пусто без него. А когда это прошло, довольно быстро, я все никак не могла взять в толк, глядя на бывшего мужа, – а без чего же именно мне было плохо. Меня теперь тоже раздражало, как он смеется, беззвучно открывая рот, как жует, долго перекатывая еду во рту, как у него блестят жирные редкие волосы и все больше и больше с годами открывается неровный, шишковатый череп. И когда я представила, что вот так он, бедный, четыре года, что мы жили, не любил меня, мне просто стало его жалко.

У меня даже стало изредка появляться подобие доброго чувства к Вадику. Он не забывает Ийку мне не приходится напоминать ему об алиментах (или забыть о них раз и наве-

гда), он может, расщедрившись, дать ей побольше денег на лето и купить хорошие туфельки...

Да, вот я, кажется, и поймала сама себя. Такая ведь простая арифметика. Не я ли приучила Ийку к мысли, что иметь хорошие туфельки лучше, чем плохие? Не я ли объясняла ей, что нужно уважать папу и благодарить его за подарки и проведенное весело время? Так могла ли она поступить иначе, чем поступила сейчас? Не знаю. Для меня-то самой туфельки – дело десятое. И я думала, что мне удалось именно так воспитать Ийку.

После приема я сразу пошла на вызовы, продолжая время от времени набирать Ийкин телефон. Он был отключен, что меня очень настораживало. Ийка обычно онлайн. У нее всегда удивительным образом находятся темы для бесед с девочками и мальчиками из класса, с дачи. С ней очень приятно разговаривать. Не знаю, что она пишет в ответ, но когда ей звонят, Ийка все больше молчит, лишь иногда негромко смеясь и говоря: «Правильно, ты все правильно говоришь». Чтобы она рассказывала о себе, я не слышала ни разу.

Получается, я вообще мало что знаю о своей дочери. Я ведь даже не подозревала, какие планы зреют у нее в голове. Но ее решение не было экспромтом. Она собрала все нужное, очень предусмотрительно взяла вещи на лето, все учебники и тетрадки – так, чтобы не было лишнего повода зайти домой.

Ийка не собирается возвращаться. Но думать об этом невозможно. Я не смогу жить с ощущением бессмысленности проигранной жизни. Проигрыша в главном. Ведь Ийка – это часть меня, самая важная, драгоценная, лучшая... За пятнадцать лет я расставалась с ней самое большее – на день, на два, когда не приезжала вечером на дачу, где она жила все лето с бабушкой и бабушкой. И даже если Ийка выросла и перестала быть моей частичкой и оторвалась от меня насовсем, вдруг в одночасье признать это и смириться – невозможно.

Глава 4

Я постаралась нигде зря не задерживаться и уже к четырем часам была свободна. По дороге я сняла немного с карточки, на которой за год потихоньку собираются деньги на отпуск и на хороший подарок ко дню рождения Ийки. Пока я стояла на остановке, я смотрела на маленькую девочку, чем-то похожую на Ийку, когда она только пошла в школу, и размышляла о том, зачем все-таки Хисейкину нужно было брать Ийку в гувернантки. Неужели не нашлось во всей Москве другой девушки на такую работу? Или это воспитание детей в американском духе? Папа гребет деньги лопатой, а детишки моют чужие машины, прежде чем взять папину лопату в руки. Но Ийка вовсе не избалована, ей-то не нужно проходить подобную школу жизни.

Цена компромиссов. Вот она, цена компромиссов, о которых я все думала и думала. И все соглашалась на них и соглашалась. Чтобы Ийка слаще ела, чаще видела меня дома... Я не ушла из поликлиники, даже когда там платили копейки, – было таких несколько лет. Я разрешала ей встречаться с Хисейкиным, когда он этого желал. А может, не надо было? Но ведь я знаю столько историй, когда запретный папочка становился тайным детским мифом!

Не важно, что какой-нибудь папа ушел по-свински, бросив совершенно беспомощную, неприспособленную к жиз-

ни жену с трехлетним ребенком, поделив при разводе ровно-хонько, до копеечки, все, что было. И теперь вовсе не желает знать, как растет, чего боится, о чем мечтает его дитя. Дитя же твердо себе придумало: «У меня где-то есть папа. Мой папа!.. Как же мне плохо без него!» Даже если мама дает все – и любовь, и тепло, даже если сумела, в отличие от меня, найти способ зарабатывать много денег.

То, что находится на расстоянии и недоступно, с годами приобретает устойчивую мифологическую окраску, золоти-сто-розовую. Особенно если мама поступает благородно и не рассказывает гадостей о навеки отчалившем отце.

Я не хотела, чтобы занудливый, жестокий и самовлюблен-ный Хисейкин был для моей Ийки сладким мифом. И вот тебе на. Все получилось наоборот. Он стал для нее, несмот-ря на свою вредность, скаредность, занудливость и отвра-тительный блеск шишковатого черепа, хорошим, желанным другом. А я...

А я должна радоваться, если радуется мой ребенок, и не подминать его эгоистично под свои «хочу» и «не хочу» – на-помнила я себе прописные истины педагогики и постаралась сосредоточиться на чем-то конкретном. Например, на том, как мне все же найти Ийку, иначе за оставшиеся несколько дней ее весенних каникул (она как будто специально время подобрала!) я незаметно сойду с ума. Просто сидеть и ждать, что будет завтра, я уже больше не могу.

Я заранее узнала адрес Центральной справочной службы,

где можно разыскать любого человека в России, если он живет под своей настоящей фамилией и хоть где-то зарегистрирован. Приехав туда, я заполнила бланк и пошла прогуляться. Через двадцать минут мне сообщили, что Вадим Хисейкин не проживает ни в Москве, ни в Московской области.

И наивно было полагать, что в нынешние времена за двести рублей можно получить справку с точным адресом небедного и не самого законопослушного москвича... Наивно... или же просто глупо? Как многое из того, что я делаю в этой жизни.

Я присела на мокрую лавочку и почувствовала, что у меня промокли сапоги. Какой же отвратительный март в этом году! Первый месяц весны... То невыносимо холодно, то мокро, и солнца нет уже которую неделю... «И некому руку подать в минуту душевной невзгоды...», как написал поэт, не доживший до тридцати лет, но успевший многое понять о жизни. Вот у меня хотя и много друзей, а хожу я одна и сама с собой беседую, конфликтую, переживая и пережевывая собственные ошибки...

Одно время Хисейкин в «родительские дни» все приглашал нас в ресторан, вместе пообедать. Мне казалось, что он не знает, о чем говорить с Ийкой, и поэтому с удовольствием болтал со мной, все-таки не совсем чужие. А Ийка, уже не очень маленькая, оглядывалась по сторонам, и в глазах ее был непонятный мне восторг. Ей так нравился весь антураж, она с интересом рассматривала посетителей, всерьез от-

носились к дежурным фразам швейцаров «Приходите к нам еще!» и искренне отвечала: «Конечно, постараемся!» Она с упоением читала красочное меню и с разрешения Вадика заказывала себе все, что хотела, что потом с трудом доедала я – настроение Вадика легко и надолго портилось от оплаченного им и не съеденного нами блюда...

Я остановила поток мыслей, способных своей тяжестью раздавить меня сейчас, и достала телефон, размышляя, кому позвонить. Кто мог бы взглянуть на все происшедшее с другой стороны. Мои дорогие подружки, скорей всего, начнут ругать Хисейкина и заодно Ийку.

А вот если... Был у меня один хороший товарищ, врач, мы учились когда-то на одном курсе. Я ему нравилась, но сама не была влюблена в него. Мы дружили несколько лет, но когда Олег женился, дружбе нашей пришлось потесниться. Его жена оказалась капризной и необыкновенно ревливой. С такими, мне казалось, долго не живут. Но они благополучно родили двоих детей и по сей день живут вместе, вполне довольные всем. Одно время Олег по старой памяти звонил мне, иногда пытался жаловаться на ревность жены, и я слушала, чувствуя, что на самом-то деле он счастлив.

Если рассказать ему об Ийке, что он скажет?

Кстати, пора все-таки признаться родителям. Иначе как я потом буду объяснять, что столько времени врала им?

И, конечно, глупо не воспользоваться тем, что у меня есть прекрасная подруга, Алиса, хорошая и умная женщина. У

нее муж психиатр, даст мне полезный совет, как не сойти с ума от чувства собственной вины и беспомощности...

И вторая моя подруга, Ксения, тоже разумная и порядочная особа, и даже лучше войдет в мое положение, потому что у нее мужа нет.

А еще лучше пообщаться с Сонькой, у которой такая неразбериха с мужьями, что она и вслушиваться не будет – тут же расскажет мне свои последние новости, и я на время забуду о своих бедах, пытаюсь разобраться, кто, кого и откуда на сей раз прогнал.

Я вздохнула и набрала номер четвертой подруги, Ирки, наиболее способной к компромиссам. На улице долго не поговоришь, меня это устраивало. Домашние длинные разговоры изматывают меня невероятно, может, оттого, что я и так слишком много говорю и слушаю за день на работе.

Ирка взяла трубку почти сразу. Услышав ее энергичное «Алло!», я вдруг пожалела, что выбрала именно ее.

– Слушаю! – нетерпеливо проговорила она.

– Ирка, это я.

– Сашуня! А что так трагично? Ты не заболела?

Да нет, вовсе не напрасно я ей позвонила. Иркин голос всегда действует на меня хорошо, даже если особо не вслушиваться в то, что она говорит.

– Нет, не заболела. Ирка, я накоротке. У меня, знаешь... Надо посоветоваться.

– Приезжай давай, если хочешь! А то мой толстомордуш-

ка не выпускает меня из дома третий день! – Ирка засмеялась. – Я плохо себя вела.

– Да? – вежливо спросила я. – А что ты сделала?

– Заставила его купить мне одно симпатичное платьишко и тут же забыла, где живу. Случайно переночевала у подружки... Он, конечно, проверил, что действительно я у одноклассницы просто выпила и уснула, только поэтому не убил. Ну, правда, не сядешь же за руль после трех коктейлей, а в моей шубке на такси не поедешь – стрёмн... фу, то есть страшно! Я борюсь со своим жаргоном, ты знаешь. Ляпнула тут что-то на приеме, как раз в тот момент, когда рядом посол какой-то стоял и наши всякие... И всем прямо так стыдно стало за меня! Сами как будто таких слов не знают. Просто они умеют переключаться с языка на язык – там можно, здесь нельзя...

Я нажала кнопку отбоя и выключила на время телефон. Ирка очень хорошая, добрая. Она так бедно жила с мамой! Прямо как Ийка со мной, кстати... И первый раз замуж вышла за никчемного звукорежиссера из подмосковного Дома культуры, худого, злого, сильно пьющего. Иркин муж писал песни без начала и конца и ненавидел в этой связи всех успешных музыкантов, да и весь мир. Через пару лет, которые моя подружка с ним протерпела, пытаясь утешать, кормить его и лелеять, он умудрился еще и бросить красивую Ирку и тут же женился на женщине с двумя детьми, рассмотревшей его талант.

Ирка маялась, маялась одна, уже совсем отчаялась выйти замуж и вдруг в тридцать два года нашла просто невероятную партию. Подружка моя летела отдыхать в Турцию. И в самолете она уговорила стюардессу пересадить ее на другое место, потому что сосед сразу напился и стал приставать к аппетитной Ирке, да так энергично, что даже соседним пассажирам пришлось вмешаться. Свободное место нашлось лишь в салоне первого класса. Ирка, хоть и в первый раз очутилась в таком салоне, виду не подала. Она непринужденно села на предложенное ей место и улыбнулась сидящему рядом толстомордому дядьке.

Дядька оказался депутатом, бизнесменом, членом всяких государственных комиссий и совладельцем крепенького негосударственного банка. Он летел в дорогой отель в Фетхие на Эгейском море, отдохнуть и слегка развеяться после мучительного развода. Ирка летела в дешевый трехзвездочный отель на третьей линии от моря в пыльном, искусственно озеленяемом местечке Сиде, с очень вялой надеждой с кем-нибудь на отдыхе познакомиться. Дальше все произошло просто по-сказочному. Ирка вытянула полную, ровную ножку, вполне прилично прикрытую до колена симпатичной юбочкой, еще разок улыбнулась и сама протянула соседу свою мягкую, приятную ручку.

Моя подружка, несмотря на годы одиночества и мытарств с пьяницами и женатыми холостяками, сохранила удивительную открытость и простодушие. Не думаю, что ее буду-

ций муж купился именно на это, возможно, не последнюю роль сыграли пышная Иркина грудь, в некоторых ракурсах кажущаяся просто неправдоподобно огромной, а также вся ее милая внешность и готовность влюбиться. Даже увидев ее избранника воочию, я поверила, что она действительно влюбилась в немолодого, обрюзгшего и слегка чудаковатого человека, влюбилась как в символ будущего семейного счастья, собственной добропорядочности и, разумеется, приятного социального статуса – с большими деньгами, большими расходами, большими домами и автомобилями...

Я подержала в руке выключенный телефон, вздохнула и пошла к киоску с журналами. Хотела было купить какой-нибудь журнал с цветами – картинки с прекрасными садами действуют на меня умиротворяюще. Я люблю читать, как выращивать многолетники, как и когда подстригать кустарники, куда лучше сажать сортовые лилии... Никогда этого не делаю, но читая, успокаиваюсь и прекрасно отдыхаю.

Я уже выбрала себе один журнал, на обложке которого так привлекательно спускались на беседку плетущиеся ветви красивого растения с небольшими малиновыми колокольчиками. Но тут к киоску подошла девочка и остановилась рядом со мной. Взглянув на нее в профиль, я ахнула. Она была так мучительно, так неправдоподобно похожа на Ийку... Такая же хрупкая, бледненькая, в невразумительном легком пальтишке, хотя к вечеру, несмотря на дневную оттепель, опять подморозило. Голой покрасневшей рукой она натяну-

ла поглубже шапочку и опять запихнула руку в карман. У меня стукнуло сердце. А что, если моя Ийка вот так же сейчас, голодная, холодная, стоит где-то и не понимает, что ей делать...

Девочка тем временем спросила у киоскера чуть сипловатым, простуженным голосом:

– «Работа для вас» есть?

Киоскерша почему-то ухмыльнулась, глядя на девочку, и ответила довольно грубо:

– Куда она денется! Двенадцать рублей!

– У меня только семь... – растерянно ответила девочка и чуть отошла в сторону.

Киоскерша захлопнула окошко, чтобы не мерзнуть, а девочка, не поворачиваясь ко мне и опустив голову, спросила меня:

– Вы... не могли бы дать мне пять рублей... Мне не хватает на журнал... Я хочу найти себе работу...

Я открыла кошелек и протянула ей десятку.

– С-спасибо. – Девочка улыбнулась посиневшими губами. – А... – Она запнулась, посмотрела на меня и снова опустила глаза. – А вы не могли бы... Мне еще билет надо купить...

Она не стала продолжать, а я уже все давно поняла. Я дала ей сто рублей и побыстрее пошла прочь. Очень хотелось надеяться, что она не понесет эти деньги жирному, наглому хозяину, и он не запихнет их в свой толстый кошелек,

прогнав замерзшую девочку попрошайничать дальше. Я бы-
ла бы очень рада, если бы узнала, что она пошла напрямиком
в магазин и купила себе поесть на эти деньги. И достала бы,
наконец, из кармана перчатки и надела на свои окоченевшие
руки. Как-то не хочется верить, что у двенадцатилетней де-
вочки может совсем не быть перчаток или варежек...

Я шла вверх по Тверской улице к Пушкинской площади,
собираясь там сесть на троллейбус и доехать до Арбата, и
думала.

Для начала надо все-таки попробовать поговорить с Хи-
сейкиным. Я не очень рассчитывала, что от этого будет ка-
кой-то толк – скорей всего, он ускользнет от разговора лю-
бым способом. Но надо все же попытаться.

Скрепя сердце я решила съездить к нему в «клинику», как
он гордо именуется свои четыре кабинета пластической хирур-
гии, не считая двух палат, где после операции можно поле-
жать с перевязанными лицом или бедрами пару дней, если не
начнется сепсис. А с сепсисом, иными словами, с заражени-
ем крови, в любом случае лучше перебраться в настоящую
больницу, городскую или частную – по средствам.

Некоторые пациенты, наверно, и не догадываются, что со-
лидная клиника, в которую они пришли исправлять неудачи
природы на своем лице или теле, занимает едва ли сто квад-
ратных метров, что там нет даже штатного реаниматора и
соответствующего оборудования. Из просторного вестибю-
ля пациент попадает в узкий, не очень длинный коридор с

кабинетами и палатами. Никому и в голову не приходит, что за большой дверью, перегораживающей коридор, на которой светится надпись «Не входить!» – глухая стена, а за стеной – риелторская контора, вход в которую – с другой стороны здания.

Хисейкин когда-то с восторгом рассказывал мне об этой своей придумке – он сам и предложил идею архитектору, перестраивавшему под клинику коммунальную квартиру в одном из арбатских переулков. Так нужно было для «солидности», объяснял он мне с раздражением, когда я никак не могла взять в толк, как можно и зачем обманывать доверчивых пациентов.

Кто-то приходит с настоящим физическим уродством – ужасный пористый нос, висящий мешком подбородок, чудовищная бородавка на щеке у милой девушки, а кто-то – с неудавшейся жизнью, которую хотят поправить с помощью хирургического ножа. Редкие пациенты делают «пластику» просто так, с жиру. Ведь даже попытки остановить возраст, подрезая веки и подтягивая к ушам щеки, совершают не все женщины, у которых есть на это деньги, а только те, которым позарез нужно в пятьдесят пять обмануть себя, природу, кого-то еще...

Не могу себе представить свою маму, вдруг захотевшую помолодеть на десять лет. Ей никогда это просто не было нужно. Папа ее любил и любит, они ходят, с каждым годом все медленнее, за ручку в магазин и поликлинику, но и рань-

ше, когда папа мог обходиться без маминой помощи, я не помню, чтобы он один куда-то ходил, кроме работы.

Размышляя, я незаметно для самой себя подошла к тому самому месту, куда несколько раз привозила Ийку для встреч с Хисейкиным. Маленький сквер, огороженный низкими коваными заборчиками. Ничего особенного – пятнадцать старых деревьев, перемежающихся с молоденькими посадками, три скамейки, две дорожки. А напротив него – угловой дом в тупиковом переулке, начинающемся от Тверской улицы. Серый, тяжелый, некрасивый дом, с узкими высокими окнами. Наверно, по два окна в каждой комнате. Вот и ворота, запертые на ключ, а рядом калитка, тоже запертая. Чтобы кто-то вышел, надо нажать на круглую кнопку звонка.

Худой усатый охранник не вышел, а приоткрыл окно будки и крикнул:

– Слушаю вас, женщина!

– Мне вот в этот дом! – решила я пойти ва-банк. Что-то подсказывало мне, что ноги привели меня сюда не случайно.

– Зачем? – вполне доброжелательно поинтересовался охранник.

– Я... Мне нужен Вадим Хисейкин.

– Номер квартиры не знаете? – все так же дружелюбно продолжал разговор охранник, чуть высунувшись в окно. Из приоткрытого окошка пошел пар.

– Нет, но... – Увидев, что он собрался закрыть окно, я

заторопилась объяснить: – Это мой бывший муж. Он живет здесь с семьей. Точнее, я так думаю, что он, скорей всего, здесь живет... Он врач... хирург, и я... Я ищу свою дочку, она... у него...

Охранник оглядел меня с ног до головы, небрежно цокнул языком и закрыл окно. Я подождала, все же надеясь, что он выйдет... Но он лишь сделал погромче телевизор в своей будке и демонстративно повернулся ко мне спиной. Понятно. Мои пробивные способности давно известны. Уговорить, сторговаться, пройти с Ийкой по одному билету в детский театр... Почему-то мне это никогда не удавалось. Возможно, я не умею просить. А любого человека, наверно, можно сломить, позволив ему сказать: «Ну, ладно! Я, такой сильный и всевластный, позволяю тебе пройти. Я еще и проницательный – я вижу, что ты не террористка и не воровка...»

Я постояла у запертой ограды, вглядываясь в гуляющих во дворе мамаш и нянь. Нет ли там среди них и моей дочки, неожиданно ставшей няней в пятнадцать лет? В сумке у меня зазвучал мобильный. Нежным Ийкиным голосом телефон пропел: «Осенью в дождливый серый день пробежал по городу олень...» Ийка пела, чуть-чуть не попадая в ноты. Но какая разница, какие ноты, когда поет твой ребенок!.. Я вытащила телефон из сумки и увидела, что на дисплее высветилось: «Иечка».

– Да, малыш, – постаралась ответить я как можно спокой-

нее.

– Мам... – сказала Ийка и надолго замолчала, так что я даже решила, что отключилась связь.

– Иечка? Я слушаю тебя! Как у тебя дела?

– Мам... я... У меня... все хорошо... но... – Она опять замолчала.

Я представляла, как Ийка стоит сейчас в своем коротком сером пальтишке, в котором она ушла, оставив дома теплую, но немодную куртку, конечно, без шапки или берета, кутается в яркий бесполезный шарф, тепла от которого не больше, чем от летней косыночки, и ковыряет левой ногой землю. У нее вся обувь стерта на носке левой ноги.

– Ийка, ну что ты, малыш...

Я осеклась, потому что среди гуляющих во дворе мамаш я увидела тонкую фигурку в сером пальто. Или мне показалось... Я слишком четко ее себе представила, вот и показалось. Девушка, засунув одну руку в карман, другой держала телефон, то и дело поправляя пестрый легкий шарф на шее. А ногой ковыряла почерневший плотный снег...

– Ийка! – закричала я, не надеясь, что она меня услышит. Девушка в сером пальто вздрогнула и чуть выпрямилась. – Ийка, – уже спокойнее сказала я в телефон, – подойди, пожалуйста, к ограде.

Девушка вдали стала оглядываться, увидев меня, застыла на мгновение, потом наклонилась к маленькому мальчику, что-то ему сказала и заспешила к ограде. Да, конечно, это

она. И это действительно тот дом, где живет Хисейкин. Права я была, когда плохо о нем думала, – он и впрямь просил привозить Ийку для недолгих встреч прямо к своему дому. И где-то здесь моя Ийка теперь спит, ест и зарабатывает себе на недостающий комфорт.

– Мам, привет! – Ийка взглянула на меня и тут же отвела глаза.

– Здравствуй, малыш.

– А... как ты меня нашла?

– Вот, шла-шла и нашла... – Я попыталась протянуть руку через ограду и погладить ее по плечу. Ийка отстраняться не стала, но и не подошла ближе. – Ну, как у тебя дела?

– У меня все хорошо. Мам, понимаешь... Ты не могла бы мне дать... немного денег, пока я не получила первую зарплату...

Я внимательно смотрела на Ийку.

– Может быть, ты вернешься домой? Через два дня идти в школу. Не стоит переходить в другую. Там у тебя друзья...

– Мам... – Ийка дернулась. – Я так и знала! Ты всегда не о том говоришь! У меня нет денег, понимаешь? Я же не могу все просить у Марины! Или у папы...

– Да, конечно. А что ты хочешь купить?

– Мам! Я взрослый человек! Я уже работаю! Мало ли что... Сухарики... или колготки... И... мне надо заплатить за телефон.

– Господи... – Я вздохнула. – За телефон я заплачу. А

может, ты будешь работать, живя дома?

Ийка отвернулась.

– Понятно. Тебе нравится здесь... Все нравится, да?

– Да! Да, мама! Как ты не понимаешь! Все нравится! Там – все остальные. – Она показала рукой за ограду, за мою спину, и я увидела, как покраснело от холода ее голое запястье. – А здесь – только избранные... Знаешь, кто живет в этом доме?

– Подтяни рукава свитера, ты же мерзнешь, – сказала я и достала кошелек. То время, когда просто словами можно было убедить маленькую Ийку, давно прошло.

Вернее, оно давно упущено. Что-то она не так поняла про эту жизнь. И виновата не она, а я. Как хорошо, что у меня с собой оказались деньги. Я протянула ей три тысячи рублей. – Этого хватит на первое время?

Ийка пожала плечами.

– Наверно. Спасибо, мам. Ты заплатишь за телефон? Ну, я пойду, да? А то Кирюша упадет опять с качелей или с горки...

– Ийка, подожди, пожалуйста... Тебе бабушка с дедушкой привет передают. И я... я очень скучаю о тебе... Мне кажется, ты можешь работать, если уж так тебе хочется самостоятельности, и живя дома.

– Ага! – Ийка улыбнулась. – Ну, все, мам! Пока! Бабушке с дедушкой я позвоню, ладно. Только если они не будут меня ругать за то, что я ушла из дома. Скажи им, хорошо? Что у меня теперь другой дом...

Произнесла она последнюю фразу или мне только показалось? Наверно, показалось.

Ну вот, я и повидалась с Ийкой. Надо уходить. И совершенно незачем здесь стоять. Я взглянула на охранника, который так и не открыл мне дверь. Я видела его в профиль в зарешеченном окне кирпичного флигеля. Он читал журнал и под моим взглядом опять повернулся спиной к окну.

«Не называй девочку таким именем, – говорила мне моя мама, когда родилась Ия, – в имени должны быть согласные, и чем больше, тем лучше». Наверно, она была права. Бескостная, бесхребетная Ийка всегда с трудом поддавалась моим педагогическим стараниям. С трех лет я водила ее на спектакли, а она могла просидеть оба действия, отвернувшись от сцены и рассматривая зал, соседей... Если я потом спрашивала ее, кто сидел рядом или какая люстра висела на потолке, она пожимала плечами и молчала. То ли не знала, то ли не хотела со мной об этом говорить – я ведь смотрела в другую сторону.

Когда она была маленькой, я каждый вечер читала ей перед сном книжки, а она наблюдала, как перемещаются по комнате тени, плохо слушая меня, но и про тени говорить со мной не хотела, отворачивалась и быстро засыпала. Среди ночи она часто прибегала ко мне, и то тесно прижималась всем своим худеньким телом, то, хмурясь во сне, убирала мою руку – и тогда я уверяла себя, что Ийке снилось что-то очень плохое, ко мне не имеющее отношения. Когда она

была маленькой...

Глава 5

– Жизнь – это горький пончик? Или сладкий?

*– Откуда мне знать? – говорит пекарь. – Надо
купить, надо съесть. Тогда и узнаете.*

Ализ Мошони. Сказки из Будапешта

Я медленно пошла по направлению к метро. Как хорошо мне было, оказывается, еще час назад, когда у меня была четкая цель: найти Ийку. Как энергично я взялась за поиски, ноги сами несли меня к этому некрасивому серому дому, в котором живут какие-то известные люди и где-то ютится, дожидаясь первой зарплаты, моя глупая маленькая Ийка.

А теперь... Теперь надо идти домой, в опустевший без Ийки дом, бессмысленный и тусклый, и сидеть там, ждать следующего дня. Только так.

– Извините... – Вылезающий из машины мужчина слегка задел меня дверью.

– Ничего... – Я взглянула на него.

– Сашка! – недоверчиво и радостно ахнул мужчина. – Не узнала?

Как же не узнать. Только час назад думала о нем, перебирая людей, с кем можно поговорить и посоветоваться насчет моей неожиданной беды, чтобы не оставаться с ней наедине.

– Привет, Олежка. – Я заставила себя улыбнуться. – Как раз тебя вспоминала сегодня. Удивительно.

– Ох, не верю! Но все равно приятно! А я тебя и не забывал. Ты спешишь? Я на минутку должен заскочить в одну контору, а потом мы могли бы с тобой зайти куда-нибудь... А, Саш? Сто лет не виделись! Хорошо... выглядишь... – сказал он обычные мужские слова, которые говорят при встрече женщине. Но, видимо, я так плохо выглядела, что он даже споткнулся, произнося их.

Я вздохнула:

– Нет, я не спешу. Но... Впрочем... Хорошо, я подожду тебя.

Он повнимательнее взглянул на меня:

– Ты чем-то расстроена?

– Нет, то есть да... Нет! Просто замерзла.

– А, так ты садись в машину! Я включу мотор, согреешься. – Олег открыл мне дверцу своего автомобиля. – Садись. Вот так сделаешь, если станет жарко, сюда нажми. Только запришь изнутри.

Я смотрела, как Олег быстрым шагом вошел в дверь какого-то офиса. И даже вздрогнула от неожиданно пришедшей мне в голову мысли. Все-таки некоторые мысли как будто действительно откуда-то приходят, оттуда, где они живут... Не в моей же голове жила мысль, что я, наверно, уже никогда не буду близка с мужчиной. У меня это было так давно, что теперь казалось невероятным. В долгом отсутствии физической близости есть особая прелесть. Появляется ощущение своей чистоты, некоей цельности. И ненужности од-

новременно. Мне уже несколько лет даже в день рождения никто не желает любви. Наверно, со стороны виднее...

Я набрала Ийкин номер и долго-долго слушала длинные гудки. Иечка... Ну как же так могло произойти в нашей жизни? Моя маленькая, хрупкая, беззащитная Иечка, долгие-долгие годы даже во сне державшаяся за меня... Чем же я так ее допекла? Неужели моим несоответствием нынешней жизни? И, значит, мало сказать: «Вся эта блестящая и манящая роскошь на самом деле – мишура и суeta суeta». И даже мало самой не нуждаться в ней. Вот мне ничего не надо из той жизни за забором, бдительно охраняемой хамоватым охранником, а моей дочке Ийке – надо. Может быть, виной тому моя половинчатость – я ведь не аскет и не отшельник, мне тоже нравятся некоторые атрибуты нового мира, но не настолько, чтобы все бросить и посвятить жизнь погоне за ними.

А вот Хисейкин, в редкие часы наших встреч... Он, наверно, каждый раз потрясал ее маленькую душу, приходя из другого мира, где остро и волнующе пахнут салоны удобных, быстрых автомобилей, где легко и беззаботно тратятся деньги, которых всегда много, где покупают вещи ради развлечения, едят что-то необыкновенное и пьют дорогие напитки, где только смеются, не думая ни о чем плохом, – так, наверно, представлялась ей та жизнь, по другую сторону неумолимой границы, разделяющей богатство и бедность.

– Пойдем пообедаем куда-нибудь, да? – Олег сел в маши-

ну, обдав меня пряным ароматом туалетной воды.

Я запоздало огляделась в автомобиле. А по какую сторону я сейчас нахожусь? Там, куда рвутся крепко надушенные девушки в отчаянной надежде навеки остаться вдали от бед, нищеты, болезней, мрачных вонючих подъездов, набитых по утрам промерзших автобусов? Смог мой институтский друг попасть туда, где покупают больше, чем съедают, отдают одежду бедным после первой стирки и много путешествуют?

– Да, наверно, не знаю, пойдем...

– Ты замерзла и очень расстроена. Но это поправимо, – улыбнулся Олег и тронул с места машину. – Так, я знаю, куда мы можем пойти. Есть одно отличное место, здесь рядом, проедем переулками. Я рад тебя видеть. Знаешь, я иногда думаю: «Позвонить, что ли, Сашке...» И не звоню.

– Почему? – Я начала жалеть, что села в машину. Ведь придется поддерживать разговор. А мне сейчас хочется думать совсем о другом. Но после встречи с Ийкой у меня совсем пропало желание говорить с кем-то о ней. Да и вряд ли Олег для этого приглашает меня в ресторан.

– Почему... – Он быстро посмотрел на меня и перевел взгляд на дорогу. – Ладно. Ты в поликлинике работаешь?

– Да.

– Довольна?

– Конечно.

Олег кивнул.

– Я так и думал. А муж?

– Мы же давно развелись, Олег.

– А, ну да. Я помню, да... А мы вот с Валентиной все живем... Ох... – Он тяжело вздохнул и стал припарковывать машину к тротуару.

Только не это. Только не разговоры о скверной семейной жизни и обязательствах перед вредной, ревливой женой. Пожаловаться всласть, чтобы потом пойти и радостно замахать хвостиком перед той самой женой. Или не говори, или хвостом не виляй, мне так кажется. Хотя подчас, жалуясь на близких, человек и пар выпускает, и осознает, что и жаловаться-то ровным счетом не на что – все проблемы яйца выеденного не стоят, если вдуматься.

С большими сомнениями я зашла в небольшой ресторан и огляделась. Красиво, ничего не скажешь. Как маленький кусочек Италии, в которой я так и не побывала. Странно, почему-то с некоторых пор мне перестало казаться, что у меня все впереди. Может, оттого, что выросла Ийка и неожиданно забрезжила где-то совсем близко цифра «сорок», после которой трудно надеяться на резкие повороты судьбы и щедрые ее подарки.

Мы сели друг напротив друга за темный деревянный стол. Официантка тут же постелила перед нами клетчатые салфетки и положила меню в рыжих кожаных обложках.

– Голодный, как черт... – Олег листал меню с интересом

проголодавшегося человека.

А я подумала о том, как же мужчины физиологично устроены. Не помню, не слышала, чтобы взрослый мужчина, к примеру, терял интерес к еде из-за каких-то личных переживаний. Или финансовых проблем. Проблемы проблемами, а подкрепиться – первым делом.

– Ты выбрала?

Я кивнула, пробегая глазами по живописным названиям. Чего тут только нет. И неаполитанские соусы, и филе морского языка с каперсами, и всякое разное... Невкусное и ненужное. Я бы лучше сейчас налила тарелочку свежего супа, положила туда ложку густой сметаны, пододвинула бы Ийке и смотрела, как она ест, отодвигая вареные овощи и поглядывая на баночку со сметаной. И тогда бы я дала ей маленькую ложку, и она бы стала есть сметану, облизываясь, как чистенький, озорной котенок...

Олег махнул официантке.

– Я готов! Свинина под пряным соусом, апельсиновый сок... или лучше грейпфрутовый, свежавыжатый. У вас есть розовые грейпфруты? – Олег вопросительно взглянул на девушку в длинном черном переднике и с красными ленточками в тугих задорных косичках.

Та вежливо улыбнулась и кивнула.

– А мне вот это... – Я показала в меню на сложное название блюда, около которого стояла не слишком высокая цена. – И салат какой-нибудь... овощной, например.

– Девушке моей вина еще какого-нибудь принесите, получше, – вмешался Олег. – Ты выпьешь? – запоздало поинтересовался он.

Я кивнула, зная, что лучше сейчас не спорить, а потом попробовать вино и отставить в сторону. Давно меня не поили вином мужчины. Давно-давно. И не называли девушкой, тем более своей.

– Рассказывай, – попросил Олег и приготовился слушать.

Да, правда, когда-то давно я рассказывала ему все. И про свои домашние проблемы, про маленькие ссоры с родителями, и про подружек, и всякое другое. А он все слушал.

– Как раньше, да? Помнишь, мы пошли смотреть фильм «Зеленые муравьи», и весь фильм я тебе рассказывала, о чем собираюсь писать курсовую работу...

– Слушал, а что же мне оставалось делать? – улыбнулся Олег. – Целоваться ты со мной не хотела, вот я и слушал.

– Целоваться? – удивилась я и тут же одернула себя – что же это я так глупо и сразу начинаю кокетничать, разговор на тему поцелуев поддерживать. Я замолчала, но под его внимательным взглядом продолжила, совершенно неожиданно для себя: – Вот уж не знала, что ты хотел меня поцеловать... Ты, кажется, никогда не пробовал.

– Ну, во-первых, пробовал, ты просто забыла. – Олег секунду помолчал, постукивая пальцами по столу и глядя на меня, потом засмеялся. – Да ладно! Ты же все время в кого-то другого была влюблена. То в преподавателя филосо-

фии, то в будущего мужа... И рассказывала мне об этом...

– Извини.

– Ни за что! По крайней мере, не так просто... Я, можно сказать, всю жизнь раненый хожу, после того, как одна девушка прогнала меня в самый неподходящий момент... А ты – «извини»!

Олег снова засмеялся, а я, уже вспомнив тот случай, который мы сейчас так легко и весело обсудили, заодно по привычке быстро оценила здоровье пациента по его зубам и всему внешнему виду. Зубы ничего. Леченые, но, похоже, свои. Волосы, конечно, чуть поредели, но по всей голове, без залысин. Под глазами морщинки есть, мешков нет. Второго подбородка тоже нет... Появилась только некоторая общая округлость лица, наел мой бывший друг щеки, не очень плохо, наверно, жил все эти годы...

– Что так смотришь?

– Вредные привычки ищу.

– Вот, первая, – он достал пачку сигарет. – Помнишь, ты говорила: «Ты не мой мужчина, раз куришь. Мне нравятся некурящие...» А сейчас?

– А сейчас мне никто не нравится.

– Как это? – спросил с чисто мужской наивностью Олег.

– Физиология другая, вот как. Одинокому мужчине понравится та, которая не откажет, а женщина не откажет тому...

– ... кто понравится! – договорил за меня Олег и снова

засмеялся. – Ну ладно! Не расстраивай меня перед обедом! Я помню, ты еще и раньше всё делила мир на мужчин и женщин.

– А как иначе? Так он и делится. Разные миры, соприкасающиеся и пересекающиеся лишь с одной целью... Не нами так задумано.

Олег пододвинул ко мне бокал с темно-красным вином, который только что наполнила официантка.

– У тебя очень красивые и грустные глаза, ты по-прежнему мало красишься, тебе это идет... И мне трудно поверить, что мы почти ровесники. Как бы мне хотелось доказать тебе, что точек пересечения у нас гораздо больше, чем та, о которой ты только что сама завела разговор... Вот, например, пошла бы ты со мной на концерт Скрябина?

Я неопределенно кивнула, просто из вежливости. Почему-то мне казалось, что Олег сейчас не пойдет покупать билеты на концерт симфонической музыки, и завтра тоже.

Я старалась слушать, что он говорит, не теряя хотя бы нить. А он говорил и говорил, приятные и ни к чему не обязывающие вещи.

– Единственная женщина из тех, кого я знал в жизни, способная с удовольствием слушать сложную музыку... Или вот еще... У меня есть товарищ, тоже врач. Он стал писать картины, да так здорово, можем с тобой пойти к нему в мастерскую, там есть такая необычная картина, посмотришь – вроде просто лодочки синие стоят, уткнулись в берег, а если

отойти в сторону...

Я почувствовала, что от большого глотка вина у меня застучало в ушах, и стало очень тепло. Наверно, я глотнула слишком много. Или ничего не ела с утра. И вчера вечером тоже, кажется, ничего не ела. Конечно, я села ужинать, по привычке бросив на стол две ложки, выставив две чашки, и так с ними и просидела, с этими ложками и двумя нашими с Ийкой любимыми чашками, где по бокам нарисованы как будто детской рукой оранжевые и голубые цветы. Эти вечные небьющиеся чашки старательно изучала маленькая Ийка еще, кажется, совсем недавно, совсем... «Это 'омашка, да, мам? Это 'оза, я знаю...» Только теперь я понимаю, почему мои родители всю жизнь относятся ко мне как к маленькой. Потому что я маленькая живу в их душе. Так же и Ийка. Она никогда не станет для меня взрослой...

– Ты зайдешь ко мне на минуточку? – Олег смотрел мне в глаза, и мне стало неудобно от его взгляда. Он меня держал, настойчиво, не отпуская.

– Куда? – спросила я, продолжая ощущать действие странно пьяного вина.

– Да вот сюда. – Он слегка постучал рукой по узорчатому дереву стола. – Вернись из своих далей, хотя бы пообедай со мной. Вот интересно, а! Как будто не прошло пятнадцати лет. Я, по-прежнему, видя тебя, как дурак, начинаю суетиться, а ты тут же улетаешь в мыслях далеко-далеко, продолжая снисходительно находиться рядом.

– Я могу уйти...

– Не надо. – Он поймал меня за руку, хотя я вовсе и не собиралась никуда уходить. Мне совсем некуда было спешить в тот вечер. – Не надо. Ты удивительная женщина...

– Хотя и очень плохо одетая, правда? – засмеялась я.

– Плохо? – он оглядел мою светлую водолазку. – Почему? Так все обтянуто... красиво...

Вот вам и ответ мужчины, который не очень озабочивается веяниями моды, но ездит на вполне приличной машине, насколько я могу судить, хотя и с правосторонним рулем. Тонкая водолазка обтянула ровненькую круглую грудь и прямые плечики, невысокий воротник открыл шейку, длинненькую, не заплывшую жирком и не перерезанную морщинами, – значит, и одета ты вполне прилично.

– М-м-м... – Олег оглядел свою тарелку, которую только что принесла официантка. – Потрясающе. Здесь очень хорошо готовят. У тебя тоже ничего, кажется... Что-то такое... аппетитное...

– Дать тебе попробовать?

Он быстро взглянул на меня.

– Разумеется...

Я, наверно, стала сходить с ума от одиночества. Мне показалось, что Олег имел в виду что-то совсем другое. По крайней мере, мне неожиданно стало очень неловко и в то же самое время приятно... Да, точно. Это так надвигается возраст, крича во всю глотку: «Добирай! Добирай все, чего не

добрала в жизни! Успевай, пока не захлопнулись ворота, пока у кого-то еще вспыхивают глаза...»

Я точно сошла с ума. Или так подействовало вино. Я уж и не помню, когда последний раз пила вино. Кажется, на папином дне рождения. А, нет. На Новый год. Точно. Еще Ийка просила глоточек вина, а я говорила, что ей вполне хватит шампанского. И она так смешно запьянела, села на диван, взяла меня за руку, потом под руку, потом легла мне головой на колени и уснула. А я долго сидела, держа на коленях ее голову, глядя ее нежные, тонкие волосики, слегка подгибающиеся на концах, и думала, как же я счастлива, и пусть таким вот счастливым будет весь год... Вот он и вышел... очень счастливым...

Я быстро отпила еще вина и отставила бокал. Шум в ушах стал потише, но зато тело обрело приятную легкость и гибкость, и мне захотелось потанцевать под тихо льющуюся откуда-то музыку. Не знаю, заметил ли Олег перемену, происшедшую во мне, но он быстро доел, позвал официантку и расплатился.

– Предлагаю кофе выпить где-нибудь в другом месте. Пойдет? – Он чуть поддержал меня за локоть, не сразу отпустив руку, и мне от этого стало необыкновенно приятно.

Я улыбнулась, не зная, что сказать. Я в общем-то не хотела ни кофе, ни пирожных. Просто вдруг стало тепло, хорошо и приятно. Я еще раз улыбнулась. На улице стемнело, но, как это бывает ранней весной, небо было не черным, а

густо-синим. Я увидела, как большая яркая звезда покачну-лась вверх-вниз и снова застыла на своем месте. Надо же, и никто, кроме меня, похоже, не замечает, какие чудесные вещи происходят на небе...

– Слушай, Сашка... Ты не спешишь? Хочешь, я тебе свой дом покажу? Недавно построил... Пять лет строили... Я его видеть уже не мог, он у меня все силы отнял, и деньги, разумеется. Даже не верится, что ничего больше делать там не надо. Пока не начало где-нибудь отваливаться... или новые идеи в голову не придут...

– Хочу. – Я поежилась. На улице сильно подморозило к вечеру, и в моей шубке стоять на месте было совсем холодно. – Конечно, хочу посмотреть.

На свежем воздухе хмель начал быстро выветриваться, еще быстрее, чем действовал. Когда мы дошли до машины, я уже четко понимала, что, кажется, Олег имеет на меня какие-то виды, а я, вместо того, чтобы... Вместо чего? От мысли, пришедшей в голову, я даже приостановилась. Вместо того чтобы прийти домой и плакать в опустевшей без Пики квартире, я сейчас сяду и поеду к своему старому товарищу на дачу, посмотрю его новый дом, выпью чашку кофе, и если он имеет на меня виды...

Я взглянула на Олега. Он открыл машину и вопросительно смотрел на меня. С чего же это я решила? Я уже и не помню, когда кто-то имел на меня какие-то виды, разве что попросить бесплатный рецепт или рассказать, что никак не ле-

чится диатез у ребенка. Не лечится и не лечится... Я, вероятно, проговорила последнюю фразу вслух, потому что Олег подошел ко мне ближе, вдруг взял меня за обе руки и подтвердил:

– Не лечится, Сашка. Никак. Сколько лет прошло.

– Диатез? – удивилась я.

Он засмеялся.

– Да вроде того. Детская болезнь. Как вижу тебя, забываю, куда шел. У меня всегда так было. Наверно, у нас с тобой совпадают какие-то невидимые поля. Я читал об этом.

«У меня не совпадают...» – грустно подумала я, глядя на него снизу вверх. А почему, собственно, я сразу себя оставляю?

– А далеко дача? – быстро спросила я.

– Дом-то? Нет, не очень. По Волоколамке сорок километров. Сорок семь, если точнее. Красивое место, посмотришь. Поехали?

Я кивнула и неуверенно села в машину.

По дороге мне успели позвонить мамы трех маленьких пациентов. Я, стараясь четко выговаривать все слова, объяснила одной, как поставить грудничку клизму, другой – что делать, если все лекарства выпили, а температура как была тридцать девять, так и не сбивается, третьей – как проверить побыстрее, не беременна ли случайно пятнадцатилетняя дочка, чтобы она проверки не заметила...

Олег слушал, как я разговаривала с растерянными мамами.

ми, и с очень приятным выражением лица поглядывал на меня, когда мы останавливались у светофоров. А мне было приятно, что ему так приятно на меня смотреть. И что он не просит бесплатный рецепт, и не бросается на меня с обвинениями, как папа Владика, и не кривится от отвращения, как папа Ййки...

На трассе было мало машин, и мы помчались с огромной, как мне показалось, скоростью. Пока мы ехали, неожиданный хмель выветрился окончательно, и я с некоторым сомнением поглядывала на Олега.

Я его не видела столько лет... Случайно встретила на улице... Куда я с ним еду? Зачем? Он, как будто почувствовав мое замешательство, спросил:

– Любишь такие приключения?

– Нет, – честно ответила я.

– И никогда не любила, – кивнул он. – Ни меня, ни приключений.

Это прозвучало так странно, что у меня вдруг пересохло в горле. Вот выбросит он меня сейчас из машины, на плотный слежавшийся придорожный снежок... Или отдаст в рабство бригаде гастарбайтеров... Буду им кашу варить и служить еженощным утешением вдали от родных аулов и хуторов... Да глупости, какие глупости! Я же так хорошо знала Олега, его маму, его брата... Правда, было это лет пятнадцать назад...

Мы резко притормозили и свернули вправо.

– Почти приехали. Не устала? – он взглянул на меня. – Ты замерзла? Дрожишь вся.

– Нет... я... – Я не стала договаривать. Наверно, от переживаний прошлой недели у меня просто разыгралась фантазия. Но отчего-то мне было не по себе.

– Прошу... Ох! – он взглянул на дом, потом на меня. – Вот, веришь, пока строили, так возненавидел его, что когда забили последний гвоздь, вернее, наконец, поставили ровно забор, целый год сюда не ездил.

– А семья?

– Семья... Жена привыкла с тещей ругаться на ее даче, никак не соберется окончательно переехать, здесь же все делать самой надо... Сын, пока строилась дача, подрос. И ему неинтересно. У дочки тоже все подружки на старой даче... Проходи. Сейчас затопим камин, и если будет тяга нормальная, то через полчаса почувствуешь себя как в швейцарском шале.

– А если не будет? – спросила я, постепенно успокаиваясь и не понимая, отчего в машине у меня возникло такое отчетливое ощущение опасности.

– То будет много дыма. И мы пойдем на второй этаж и включим там рефлекторы...

Я вошла вслед за ним в не очень большой с виду дом. Внутри он был безыскусно обит деревом и – как сказала бы подружка Ирка, быстро ставшая эстеткой и любительницей роскоши за несколько лет жизни с Филимончиком, – мебели-

рован по стенкам: диван, чтобы на него сесть, стол, чтобы поесть, стул, чтобы повесить на него свитер, перед тем как лечь на диван.

— Не нравится, да? — увидел Олег мой взгляд. — Не хватило у меня уже сил на мелочи. Свез сюда мебель по остаточному принципу, приятели поотдавали: если не на выброс, то друзьям на дачу. А зря. Уюта никакого, правда?

Я с сомнением огляделась. Да, не то чтобы уюта, а вообще не похоже, чтобы здесь когда-либо бывала женщина в качестве хозяйки. Либо вот такая у Олега жена, та самая, что не разрешила ему когда-то со мной общаться, хотя я и в мыслях никогда не имела сближаться с Олегом. Мне очень нравилось долго разговаривать с ним по телефону, гулять часами по пустынным вечерним улицам Измайлова, где он жил с родителями... Но не более того. Я действительно помню, что он пару раз как-то робко пытался обнять меня и даже один раз поцеловал на прощание. Но мне никогда не нравились робкие мужчины. И на вопрос: «Можно тебя поцеловать?» я только пожимала плечами, потому как мне казалось, что мужчина моей мечты просто не может задать такого вопроса.

Я смотрела на Олега и не очень узнавала в нем того юношу, который довольно невразумительно ухаживал за мной несколько лет в институте. Он с тех пор заметно поправился, и ему это шло, стал очень коротко стричься, видимо, чтобы скрыть начинающуюся лысину, и самое главное, перестал смотреть куда-то вбок, что особенно не нравилось мне в нем

раньше.

– Садись, – улыбнулся он. – Можешь завернуться пока в плед. Похоже, нам повезло, сейчас будем греться у камина. Красиво сделан, да? Местный печник делал. Очень популярная сейчас, кстати, профессия. Денег кучу им платят. Вот совсем надоест лечить чужие аденомы, пойду в ученики к печнику. Ты довольна жизнью? – вдруг без перехода спросил он.

Я неуверенно кивнула. Кажется, я разучилась разговаривать с мужчинами. Повзрослев, я твердо усвоила, что дружить с ними не надо, ни к чему хорошему не приводит – либо ты влюбляешься, либо он начинает оказывать тебе знаки внимания, к дружбе не имеющие отношения. А кокетничать я, наверно, никогда не умела. За последние же годы я вообще по пальцам могу сосчитать мужчин, с которыми общалась хотя бы как-то – устно, скажем. Прежде всего, Ийкин папа, не желающий скрывать отвращения при виде меня. Очень неприятно, и трудно потом отделаться от ощущения, что я неприятна не только лично ему, а мужчинам вообще. Часто после коротких встреч с ним я в задумчивости проходила мимо парикмахерской, представляя: вот если бы я, скажем, покрасилась в жгуче-черный цвет, то выглядела бы гораздо эффектнее при своем небольшом росте... Или еще хуже... Так я незаметная и серенькая, вроде тли, а то буду похожа на клопа в женском роде. Потом это ощущение проходит, до следующей встречи, пока Хисейкин снова не выделит невидимые феромоны отвращения.

Еще один мужчина, с которым я регулярно вижусь и разговариваю, – наш главврач, грузный, высокий мужчина, когда-то, если верить Нин Иванне, бывший очень популярным среди медсестер и врачей нашей поликлиники. Но с тех пор прошло лет, думаю, двадцать. И сейчас он устал от всего – от истеричных и неумных мамаш, делающих годами одни и те же ошибки – перекармливающих детей, орущих на них, кутающих малышей не по погоде, верящих наглым и глупым рекламам и сующих любимым деткам непроверенные витамины, пищевые добавки. Устал от их болезненных детей, от сутолоки районной поликлиники, от бесконечной бедности своих врачей, как грамотных, так и безграмотных.

Когда я вхожу к нему в кабинет с чьей-то историей болезни или справкой по уходу за ребенком, которую надо продлить еще на неделю, он сначала говорит: «Ох!», отворачивается к окну, барабанит крупными пальцами по столу, как будто ожидая, что я тихонько развернусь и уйду, еще раз шумно вздыхает и только потом поворачивается ко мне. Мне каждый раз кажется, что его охи и раздражение касаются меня лично, и я пытаюсь как можно быстрее уйти из его просторного пустого кабинета, ярко освещенного старыми лампами дневного света, в котором лица становятся плоскими и зеленоватыми.

– Чувствуешь, как становится тепло? – Олег подсел ко мне и придвинул к нам низкий столик на колесиках, на который успел поставить какие-то конфеты и красивую плетеную бу-

тылку вина.

– Мне больше не наливай, пожалуйста, а то я и так в ресторане что-то...

– Мы чуть-чуть, за встречу однокашников. Ты же ни разу, кажется, не приходила, когда у нас группа собиралась...

Я покачала головой.

– Не люблю наблюдать, как стареют другие. Да и рассказывать особо не о чем.

– О дочке, например? Как она? Красавица, наверно?

– Да. – Я кивнула. – Это не очень крепкое вино? Все равно, ты зря мне так много налил...

– Не волнуйся! Прекрасное вино, настоящее виноградное, без спирта, от него не пьянеют. А ты вот что-то ничего обо мне не спрашиваешь. Совсем неинтересно?

– Ну, почему... – Я огляделась вокруг. Действительно, надо ведь что-то спросить. Только вот что? Он вроде сам все уже рассказал. – Тебе нравится твоя работа?

Олег засмеялся.

– Давай о работе не будем сейчас.

– Давай не будем, – кивнула я. – А... вот машина такая, с правым рулем – это удобно?

Он внимательно на меня посмотрел и вздохнул:

– Да, вполне. Лучше, чем наши или китайские с левым. Ладно, не спрашивай больше ничего. Давай лучше я спрошу. Ты ведь одна?

Я где-то прочитала фразу, что одинокая женщина – это

неприлично. Даже догадываюсь, что имеется в виду. Неприлично таскать тяжелые сумки, самой подпирать покачнувшийся забор на даче, прочищать колодец и менять масло в машине, у кого она есть. Неприлично, просыпаясь утром, не открывая глаз, мечтать, чтобы кто-то большой и теплый навалился на тебя всей своей тяжестью, особо не разбираясь, надо ли тебе это. В этом и есть счастье быть не одной – когда часто ты избавлена от мучительного выбора. Тот, кто спит и ест рядом, кое-что уже решил за тебя.

Неприлично быть одной... Но ведь так же неприлично быть бедным, ходить в залатанной одежде и кормить детей вчерашними макаронами. А еще неприлично говорить о деньгах и обдавать грязью прохожих из-под колес, мчась по мутным городским лужам из того места, где дают деньги, туда, где их можно с удовольствием потратить, чтобы можно было опять, вытаращив глаза, мчаться туда, где остро пахнет плотными зеленоватыми бумажками...

Много чего неприлично и неудобно. И это всё такие условности. Как же старательно учили меня мама с папой приличиям и всяким условностям. И как мало помогло мне в жизни умение правильно есть котлету – не отрезая ее ножом, а отламывая вилочкой, и рыбу – двумя вилками. Как мало помогли мне все мои глубокие знания русской литературы и детской психологии. Мне даже кажется – чем больше я читала о детях, тем меньше понимала, каким же ключиком отпереть Ийкину душу, все сильнее с годами закрывавшую-

ся от меня.

– Ну, давай за нашу неожиданную встречу! – Олег уже держал свой бокал, второй протягивал мне. Он успел порезать чуть подсохший лимон, даже разложил его вперемешку с шоколадными конфетами на блюде с веселыми цыплятами в спортивных кепочках.

Я взглянула на темно-красное вино, красиво переливающееся в отблесках огня.

– Ты тоже будешь пить? А как же машина?

– Я только пригублю. Не спаивать же тебя одну, – он поднес мне бокал и вложил мне его в руку, несколько задержавшись своей ладонью на моих пальцах. – Сашка... Вот сижу рядом с тобой сейчас... Ладно, давай выпьем. – Он слегка прикоснулся своим бокалом к моему и не торопясь выпил, наверно, половину. – Великолепное вино, попробуй. Хранилось для специальных случаев с прошлого года. Знаешь... наверно, это прозвучит романтично до идиотизма, но я как будто самого себя встретил, двадцатилетнего... Удивительно...

Я смотрела на Олега, а думала совсем о другом. Как же я привыкла к одиночеству и совсем перестала его замечать. И только в те минуты, когда становится плохо, я понимаю: нет на земле такого места, куда мне можно прийти со своими бедами. Нет места, нет такого человека в мире. Человек рождается один, и один умирает, это правда. Поэтому кто-то ищет Бога, веря в то, что тот послушает, даже поддержит

при случае, придумывает сам себе могущественного, верного, доброго друга. Кто-то упорно ищет пару, половину и держится за того, кто рядом, даже если рядом не очень подходящий человек. За годы ведь острые грани стираются...

Вот почему я когда-то давно не стала сближаться с Олегом? Он был одним из самых симпатичных ребят на нашем курсе, хорошо учился, у него была приятная интеллигентная семья... Но он мне не нравился. А Вадик Хисейкин очень понравился – быстрый, ловкий, глазастый, рядом с ним мне становилось жарко, а рядом с Олегом всегда было хорошо и спокойно – не более. Так вот за это и надо было держаться. Научила бы Ийку, если бы она не ушла.

Я быстро сделала несколько глотков вина.

– Очень хорошее вино. Как называется?

– Да обычное французское шардоне, просто настоящее, не поддельное. – Он смотрел не на бутылку, а на меня. – Ты изумительная, Сашка. Ты даже сама не понимаешь, какая ты...

Я растерялась и одновременно ощутила приятное тепло – то ли от вина, то ли от его слов. Наверно, я не заметила, как превратилась в существо среднего рода... И дело не в том даже, что у меня нет мужа и мужчины... Я просто перестала об этом думать...

Мысли у меня окончательно спутались. Я пыталась уцепиться за что-то мало-мальски внятное и понять: кто же завтра рано утром должен прийти ко мне на прием – то ли азербайджанка с тремя детьми, которым она упорно отказывает-

ся делать прививки, то ли та одинокая мамочка с бледной веснушчатой дочкой, никак не начинающей говорить...

Я не заметила, как Олег сел чуть ближе ко мне. Или он здесь сидел с самого начала? У меня так сильно шумело в голове, как будто завывал ветер и тяжелое сломанное дерево волокли по земле, а его ветки шуршали, ломались, задевая за что-то стонущее и хрупкое... Интересно, как возникают посторонние звуки в твоей собственной голове, да еще такие ужасные?... Я попыталась сильно потрянуть головой, чтобы прогнать этот шум, но от резкого движения он только усилился. Теперь еще как будто огромная бормашина стала вворачиваться в мягкую, живую плоть с диким, отвратительным визгом. Все что угодно, только не такие звуки и натекающие на реальность картинки...

Голос Олега едва пробивался сквозь этот гул. Мне захотелось лечь и выключить изображение и звук в моей собственной голове.

– Ты в порядке?

– Кажется, да... – проговорила я с трудом, не уверенная, что Олег меня услышит. Сама я своего голоса не слышала совершенно. – Только я совершенно не умею пить...

– Да ты и двух бокалов вина не выпила за весь вечер, – кажется, засмеялся Олег.

– Я же... вообще не пью, – пыталась вразумительно объяснить я, укладываясь на диван.

Он склонился надо мной.

– Так. И что мне с тобой делать? Ты собираешься спать?

– Нет... Я только... чуть-чуть...

Я на секунду закрыла глаза и тут же их открыла, с трудом разлепив веки. В комнате почему-то выключился свет. Передо мной было большое окно с плотными цветастыми шторами. Странно, а я и не обратила внимания, какие яркие шторы... Даже в полутьме были хорошо видны огромные оранжевые круги и полосы... Рядом кто-то пошевелился. Я вздрогнула и отодвинулась. И села. Мне тут же стало холодно. Я натянула простыню на голые плечи. Голые... Так что же, это значит, я... я тут спала? А этот человек рядом... Это Олег? И я с ним... Но я ничего не помню... Он повернулся ко мне и рукой пошарил рядом с собой. Я отодвинулась подальше. Он причмокнул во сне и обнял мою подушку.

Да... Ну и дела... Я постаралась потихоньку встать, покачнулась и с трудом удержалась на ногах. Что же это я так? Ну конечно, я же все глотала и глотала то вино, вкусное, легкое и терпкое... И, кажется, ничего не ела с самого утра. Что-то съела в ресторане... Рыбное... или не рыбное... Не помню даже... Ужас... Как стыдно и глупо... Я всегда быстро пьянею, но чтобы вот так, до потери памяти... А главное, как теперь понять, что же было потом? Я посмотрела на голую ногу Олега, высовывавшуюся из-под одеяла, с ровными чистыми пятками и светлой рыжеватой шерстью на икрах, и вспомнила. Я вспомнила, как он сказал: «А теперь ты», – и попытался посадить меня к себе на грудь. А мне, кажется, стало

очень смешно – он так серьезно, ответственно это произнес. А потом я сползла на бок и уснула... Хорошенькое дело.

Я походила по комнате в надежде найти свои вещи, но так ничего и не нашла. Неужели я шла сюда голая? Или он меня нес? Совсем не помню... Но одеваться-то надо... Я осторожно приоткрыла дверцу небольшого шкафчика, стоявшего напротив кровати. На полочках лежали аккуратно сложенные женские вещи. А на внутренней стороне дверцы была неровно прилеплена детская наклейка – улыбающаяся фея в ярко-розовом бальном платье. Нет, только не это!

Я побыстрее закрыла шкаф и взяла с края кровати клетчатую мужскую рубашку. Наброшу пока ее хотя бы... Холодно... Стылый, промерзший дом. Я вдруг ощутила, как холодно в доме, влезла в рукава и попыталась застегнуться. Пуговицы застегивались туго. Они были крупнее дырок и разные. Я присмотрелась повнимательнее. Каждая пуговка была аккуратно пришита и плотно обмотана ниткой по ножке. Ниточка серая, темно-синяя, черная... Понятно, все понятно. Любимая байковая рубашка. Теплая, уютная, домашняя. Та женщина, которая накрепко пришивала пуговицы, не имела в виду меня в этой рубашке, это уж точно.

Я спустилась вниз по лестнице. Перед глазами у меня почему-то все была детская наклейка с улыбающейся изю всех сил феей. У феи в руках была палочка, с нее сыпались волшебные искры, принося чудо... Вот к примеру, меня...

Я присела на край большого кресла и подтянула ноги. На

первом этаже было еще холоднее. Камин давно потух. Я взяла со стола почти пустую бутылку минеральной воды и допила остававшийся там глоток. Вода была без газа и отдавала содой. Хорошо бы почистить зубы. Только очень не хочется в зеркале смотреть себе в глаза.

Я подошла к окну. На подоконнике сидела кукла, очень похожая на ту фею, чей портрет был приклеен в шкафу. Сколько же у нас таких кукол осталось – с одинаково красивыми личиками в ореоле буйных кудрей, с огромными голубыми или фиолетовыми глазами, победной улыбкой... Все они так нравились когда-то Ийке... Я глубоко-глубоко вдохнула и выдохнула. Надо умыться, найти свои вещи и быстро отсюда уйти.

Вынув из кучи вещей, валявшихся на полу в гостиной, свои брюки и водолазку, я увидела колготки и белье, почему-то аккуратно сложенные прямо на столике, за которым мы вчера сидели, и я пропустила момент, когда... Да ладно! Что уж теперь! Наверно, мое сознание очень хотело отключиться, поэтому я так легко и опьянела. Иногда на этом свете устаешь до невозможности. До невозможности существовать дальше.

Я быстро натянула свою одежду и подошла к окну. Почему я одна? Почему? Мне всегда казалось – вот наступит момент, и придет *он*. Обязательно придет. Я даже как-то смутно представляла себе его. Он будет совсем не похож на вертлявого Хисейкина. Может, будет чем-то похож на моего мол-

чаливого папу, только выше ростом и крупнее. Я так хорошо себе его представляла, так явно, что он просто не мог не материализоваться. Я ждала и ждала. А он так и не приходил. Ни высокий, ни крупный, ни средний – никакой. Сережа с лохматым Кузей на поводке не в счет, они мне самой в спутники жизни не подошли.

Я ни разу не пожалела, что не смогла удержать Хисейки-на. Даже в самые отчаянные минуты одиночества я не могла вообразить, что вот приходит Хисейкин и, обнимая меня, говорит: «А давай-ка, Саша, начнем все с начала...» Я ждала кого-то совсем другого, а он, наверно, меня просто не нашел. Ходит где-то по свету и думает: «Да где же эта Саша, маленькая, беленькая, тоненькая, как веточка, которая ждет не дождется меня? Где она?»

Может, мне растолстеть и стать маленькой и круглой, как булочка? Вдруг тот, кого я жду, просто не любит женщин, похожих на постаревших девочек? Я вздохнула, завязала потуже шарф и вышла на улицу.

Глава 6

Я шла по неширокой дороге, ведущей от дачного поселка. Откуда-то издалека слышался ровный гул машин, можно надеяться, что там Волоколамское шоссе. Я помнила, что вчера мы свернули с трассы и очень скоро подъехали к дому Олега.

Теребя кисти белого шарфа, я думала: а почему, собственно, я ношу этот шарф? Ведь я купила его для Ийки, года два назад, в детском магазине, вместе с белой, плотно обтягивающей шапочкой. Ийка носить их не стала, сказав, что ей это мало и вообще не модно. Зато мне оказалось в самый раз. Может, тот, кого я жду много лет и кто никак не материализуется из моих мечтаний, не любит женщин в детских шапочках, туго замотанных немодными шарфами?

Успеть бы на работу! Могу себе представить выражение лица Нин Ивановны, когда она увидит меня, нечесаную, невыспавшуюся... Теперь я точно вспомнила, что рано утром на прием собиралась прийти как раз та молодая мама, чья двухлетняя дочка никак не начинает говорить. А я – после бурной ночи, которой напроць не помню, с шальными глазами – тут ничего не поделаешь, выделяющийся прогестерон делает взгляд особым – чуть влажным, более уверенным и вызывающим. «Да, вот у меня было, а у вас? Нет? И давно у вас ничего нет? А как же вы живете?» Как-то раз я слышала,

как ругались в очереди у моего кабинета две женщины, не поделившие, скорей всего, первенство в очереди. Та, что по голосу была явно постарше, в конце концов нашла самый разящий аргумент: «Никто тебя не имеет, оно и видно!» (Она, правда, выбрала слово попроще.) «Вот ты такая и злая! Молодая, а злая! Пойди переспи с кем-нибудь, сразу пойдешь!» Я еще тогда подумала, как удивительно расставлены приоритеты у некоторых женщин, мне бы вот такое и в голову не пришло.

Минут через пятнадцать быстрого шага я вышла на широкую трассу. Еще минут через двадцать я поняла, что здесь вряд ли кто остановится при виде голосующей женщины. Наверно, в пригороде не принято ловить машину – мало ли кто выйдет из придорожных кустов вслед за одинокой женщиной в трогательной белой шапочке... И я потихоньку пошла по направлению к Москве. Где Москва, было ясно – большинство машин мчалось именно в ту сторону. К вечеру и я доберусь, если сил хватит. Может, здесь ходят какие-то автобусы? Или все ездят в город на электричке? Помимо меня по трассе пешком никто не шел и даже не ехал не велосипеде, спросить было некого.

Да, такими темпами на работу я точно опоздаю... Но как приятно осознавать свою нужность – я ведь точно знаю, что за прогул меня не выгонят. Даже если бы я прогуляла и завтрашний день, наслаждаясь природой, видом пламени в камине и активно выделяя прогестерон на даче у друга юно-

сти. У нас не хватает как минимум семи врачей в штате, так что выгнать могут лишь за профнепригодность. И то если ее признают в суде...

Около меня резко затормозил длинный грузовик. Часто такие едут парами, а то и тройками, упорно держась друг за друга из соображений безопасности – вдруг остановят шальные дорожные разбойники, отберут все диваны или оковалки перемороженных кур... Этот ехал один.

– Далеко тебе? – немолодой водитель высунулся из двери.

– До Москвы... – вздохнула я.

– Ну, садись. Разговаривать будешь со мной, чтобы я не уснул. А то я радио включаю и начинаю засыпать... Два часа сегодня спал, не успеваю ко времени. А ты что одна-то спозаранку топаешь? Автобус пропустила?

– Да вроде того... И автобус, и вообще все в жизни пропустила, – ответила я.

– А-а...

Я обрадовалась, что шофер больше ничего не сказал, и стала смотреть в окно. И почему-то мне, уже не в первый раз за последнее время, пришел в голову один вопрос: а вот тот или те, кто нас создавали, что они думали о нашем конце? Начало жизни продумано великолепно, система продолжения рода – вне всяких похвал: четко, логично, остроумно... А вот дальше – как? Как, проще говоря, нам помирать, если следовать идее Всевышнего? Или... Или об этом он не подумал? Не хотелось бы верить, что то, как умирают люди –

от болезней, не просто околевают от старости, как большинство диких животных, а умирают долго, мучаясь, – это часть Великого замысла...

Великий жестокий замысел, в котором не учтена такая малость – наши чувства и наши страдания... Либо они учтены и предусмотрены, страдания моей покойной бабушки Леры перед смертью, той, от которой Ийке достались такие прекрасные глаза, моего отца, который вот уже десять лет как выйти из дома один не может...

И только когда грузовик стало заносить вправо, я в ужасе взглянула на водителя. Увидев, что тот, крепко держась за руль, закрыл глаза и дремлет, я тоже схватилась за руль и попыталась вывернуть машину. Еще секунда, и мы бы на полном газу врезались в полосатый бордюрик дороги. Сзади кто-то несколько раз мигнул фарами и даже погудел, видимо, оценив наш маневр. Шофер помотал головой и, с трудом открыв глаза, остановил машину у обочины.

– Вот, я ж говорил тебе...

– Может, вам поспать немного? Часок... Я посижу, подожду... покараулю ваш груз.

– Не могу... Лучше бы... Ты ж небось грузовики не водишь, а?

– Грузовики... – я с сомнением посмотрела на огромный руль и толстый набалдашник переключения скоростей. – Не вожу...

– Жалко. Ну, давай тогда спрашивай меня о чем-нибудь.

Самое верное. Поехали.

Я кивнула и, внимательнее приглядевшись к водителю, спросила:

– Бывает, что колотится сердце и потом как будто прыгает в груди?

– Бывает... – удивился он. – Ты докторша, что ли?

– Ну да. А в затылке не стучит по вечерам?

– Еще как стучит!

Сна у моего спутника как не бывало. Он рассказал подробно и как у него колотится сердце, и про то, что не может уже пить, как раньше, и как, поругавшись с женой, жил два месяца у друга, тот выпивал каждый день, а он, Василий, тоже хотел бы, да не мог: два дня попьет – три потом отдыхает с валидолом под языком...

Так с разговорами мы доехали до поворота на Строгино, я приготовила заранее деньги, очень предусмотрительно не потраченные вчера на журналы по садоводству. Василий от денег наотрез отказался – попросил телефон, позвонить, если что с сердцем будет... Я дала ему номер, почти уверенная, что он не позвонит. На прощание он даже пригласил меня отдыхать летом у них в Зарайске – места в доме много, лес и речка Осётр – рядом, старинный кремль можно посетить, и жена у Василия на самом деле добрая, когда тот не пьет... Я поблагодарила и поспешила в сторону поликлиники. Если сейчас подойдет автобус, то даже не опоздаю на прием. Успею еще причесаться и выпить чаю.

По дороге я встретила всех, кого встречать не надо было: главврача, никогда так рано не приходившего в поликлинику, Нин Иванну, маму с молчащей дочкой – они шли заранее, чтобы быть первыми, и еще вдобавок подругу моей мамы, которая тащила с утра пораньше на прием к другому врачу внука. Вот, подумала я, все и увидели, какой я стала свободной и распушенной женщиной. На самом деле, возможно, никто ничего и не понял. Нин Иванна в любом случае думает, что я по ночам выпиваю с любовниками, даже когда я ночь напролет плачу об Ийке. Главврач, увидев меня, как обычно, отвернулся. Может, он в меня влюблен? – вдруг пронеслась у меня мысль. Ого! Вот они, бурные ночи! За десять с лишним лет работы в поликлинике мне ни разу в голову такая мысль не приходила...

Мамина же подруга заботливо осведомилась:

– Сашуня, ты не болеешь, детка? Что-то плохо выглядишь...

В кабинете я наскоро привела себя в порядок, налила себе чаю и позвала за двадцать минут до начала приема мамочку с молчащей девочкой Ксюшей.

На приеме в тот день было столько выздоровевших и болевающих детишек, что я даже не смогла сделать короткий перерыв, чтобы выйти и позвонить папе Владика, хотя мысль эта не отпускала меня до двенадцати часов, пока не закончился прием. Нин Иванна, как назло, тоже никуда не убегала из кабинета, а при ней мне звонить почему-то не хотелось.

Раза три или четыре за прием кто-то звонил мне на мобильный с неизвестного мне номера. Я была почти уверена, что это звонил Олег. Но что ему сказать, я совсем не знала. Поэтому просто не отвечала. Тем более что Нин Иванна каждый раз вскидывала на меня цепкие глаза, яростно накрашенные толстым зеленым карандашом, и поджимала губы, как будто тоже догадывалась, кто и почему мне звонит.

Когда тот номер определился раз в пятый, я воспользовалась тем, что в кабинете было очень шумно – ворвалась без очереди мамаша за справкой для детского сада, зашла окулист со знакомым ребенком, чтобы я послушала ему бронхи, и разревелся трехлетний малыш, который час ждал своей очереди за дверью, а теперь сидел и боялся меня у мамы на руках, потому что та сказала: «Будешь орать, тетя доктор тебе укол сделает прямо в ухо!»

Я ответила: «Алло» – и сама не услышала своего голоса, зато звонивший наверняка успел насладиться всей какофонией нашего вполне обычного приема. Но из трубки раздался нервный женский голос:

– Алё! Александра Викторовна!

– Витальевна! – поправила я. – Слушаю вас.

– Мне здесь телефон оставили, велели звонить в случае чего, а никто не отвечает.

– Да, да, я слушаю вас, – сказала я погромче и отвернулась к окну. – Говорите!

– Это платный врач?

– Нет, это не платный врач.

– А... – сказала женщина и положила трубку.

Я еще раз взглянула на определившийся номер – да нет, я совсем не знаю такого номера. Ладно, дольше заниматься непонятным звонком было невозможно. Восемь пар глаз смотрели на меня сейчас – кто с ужасом, кто с раздражением, кто с надеждой – что я не буду делать укол и отрезать ноющие уши. Некоторые родители пугают детишек, когда они отказываются лечить нос, ухо, порезанный пальчик, говорят, что придет тетя доктор, то есть я, и что-нибудь им отрежет или сделает самый страшный в мире укол из огромного шприца. И дети иногда панически боятся меня, несмотря даже на мою симпатичную и мирную внешность. Но довольно быстро успокаиваются рядом со мной. Детишек в этом смысле почти нельзя обмануть.

Сейчас одна мамаша сидела передо мной, держа на руках ребенка, другая присела на кушетку – она прорвалась якобы к Нин Иванне, а ждала, естественно, меня, третья маялась в дверях с крупным подростком, которого со спины можно было бы принять за ее упитанного младшего брата... Еще на меня вопросительным взглядом смотрела окулист и время от времени ужасным взглядом пронзала Нин Иванна. Бывает, что она просто выносить меня не может. Я заметила, что особенно это случается в яркие солнечные дни и в первые дни после праздников.

Я попробовала твердо выдержать взгляд Нин Ивановны, по-

сле чего она набрала воздуха и прокричала что есть мочи:

– А ну-ка, вышли все из кабинета! Вы останьтесь, – кивнула она вздрогнувшему окулисту. – Подойди к врачу-то, – показала она ребенку рукой на меня. – И фуфайку свою подними. Теперь глубоко дыши.

Мальчик лет десяти, которого привела окулист, старательно задышал еще до того, как я успела приложить к его груди стетоскоп.

Примерно через час после странного звонка в моей голове появилась одна мысль, прорвалась сквозь фамилии, имена маленьких пациентов, их анализы крови и диагнозы. Мысль очень простая: «А как же Олег может мне звонить? Он ведь не знает моего номера телефона!»

Да, не знает. Мы же вчера не обменивались телефонами. Сразу перешли к банкету... У него есть только мой домашний номер, если найдет, – мы ведь давно уже не созванивались. В крайнем случае, я его домашний номер знаю, могу сама накоротке позвонить, извиниться... Нет, кажется, в таких случаях женщины не должны извиняться. Пусть думает что хочет. Не хватало еще жалеть мужчину, который на семейную дачу с детскими игрушками привез подругу юности. И зачем было только все портить встречей на гормональном уровне? Посидели бы у огня, выпили вина, повспоминали бы... А так – даже непонятно теперь, как общаться.

Когда увели последнего малыша и прием закончился, я, наконец, внимательно посмотрела на номер телефона, с ко-

торого мне звонили сегодня пять раз. Так, а ведь это строгинский телефон. Я быстро просмотрела карточки болеющих пациентов. Ну да. Точно. Это же звонил кто-то из квартиры Владика и его папы. Какая-то женщина, судя по голосу – немолодая. Только почему она спрашивала платного врача?

Нин Иванна удобно расположилась пить чай – следующий прием в нашем кабинете начинался только в два. Мне не предложила, да я и не хотела вместе с ней, причмокивая, обсуждать телезвезд – кто бросил семью, кто с кем появился на страницах гламурных журналов. Одно время я пыталась убедить Нин Иванну, что вряд ли те, кто обнимаются перед фотографами глянцевого журналов, на самом деле дружат или встречаются по ночам. Мы с ней никогда этого не узнаем. А обсуждать то, что специально для таких дурочек, как мы, придумывают пиарщики... Но Нин Иванна только обижалась. Теперь я стараюсь после приема как можно быстрее заполнить истории болезней и уйти домой или на вызовы.

– Да чего они хотят! – завела Нин Иванна, с хрустом откусив невкусный на вид беловатый сухарь. Она откинулась на стуле и, кажется, рассчитывала со мной поговорить. Радио и телевизора у нас в кабинете нет, и просто так пить чай, не возмущаясь, никого не ругая и не обсмеивая, наверное, неинтересно. – Живут на Курчатовских могильниках и хотят, чтобы детки их были здоровыми! Тут же хоронили отходы только так! Яму вырывали и засыпали... Поэтому и голо так здесь...

Мне не хотелось пререкаться с Нин Ивановой, но я все же возразила, увидев, как вытаращилась бедная мама, только что вернувшаяся за забытой игрушкой, инстинктивно прижав к себе малыша, будто могильники те замаячили где-то рядом:

– Нин Иванна, я не думаю, что это так. Здесь, в Троице-Лыково, всегда были правительственные дачи. Откуда же здесь ядерные могильники?

– А! – махнула рукой Нин-Иванна, яростно выдавливая клей из тюбика в чью-то карточку. Клеевыми карандашиками она не пользуется из принципа – слишком просто и чисто получается. – Вот, друзья твои революцию сделали, капитализм объявили, нате вам, пожалуйста, жили-жили, не тужили, а тут вот!.. А клея мне нормального сделать не могут! Разве я раньше так клеила? По полчаса каждую карточку?

Я хотела сказать, что, возможно, раньше Нин Иванна поменьше ругалась и поэтому клеила быстрее. Но воздержалась от замечания, наоборот – кивнула, через силу улыбнулась и поскорее ушла.

Я спустилась вниз и в регистратуре набрала номер Владика. Он был все время занят. Одеваясь, я просматривала вызовы на этот день. Да нет, меня к нему не вызывали... Пойти самой? Почему нет? Я так иногда делаю – захожу к тем детишками, о которых особенно беспокоюсь, или на худой конец звоню, спрашиваю, как они. Да, пожалуй, зайду. Что-

то внутри мешало мне с легкостью пойти к этому мальчику, наверно, что-то такое постороннее, вдруг проскользнувшее между мной и его бедным папашей. Либо я уже просто придумываю такие «проскальзывания» от своего дремучего одиночества. И скажи кто об этом папаше Владика, он, наверно, был бы потрясен: «Кто? Эта незаметная, практически сливающаяся с полом тетечка в драной шубейке? Она – мне – понравилась?...»

Похоже, моя стабильно заниженная самооценка вернулась на привычную отметку: «ноль – минус единица». Ненадолго хватило мне вчерашнего приключения. Да я, собственно, и не очень помню, что там было.

Выйдя на улицу, я поразилась, как иногда быстро, за один день весна может вытеснить зиму. Вот только что календарная весна ощущалась разве что в удлинившемся дне и появившихся по обочинам громадных кучах грязного снега. А сегодня вдруг вышло яркое солнце, мгновенно растопившее остатки льда на дороге, ослепившее, согревшее всех и вся. И воздух стал влажным, пронзительным, обещающим скорое тепло. Я глубоко-глубоко вдохнула. Или это всё шутки того же будоражащего кровь гормона, в избытке выделившегося у меня сегодня ночью?

Я попробовала набрать Ийкин номер. Телефон у нее был включен, но она не отвечала – видела, что звоню я. Завтра в школу – значит, надо что-то решать, а она решить не может. Скрепя сердце, я, наконец, позвонила Хисейкину. Мог

бы, кстати, сам позвонить и что-то сказать. Не он ли все эти годы призывал меня к мирному, дружескому решению всех возможных конфликтов? Хотя главный конфликт для меня состоял в том, что я именно его, мутного, скользкого, беспринципного Вадика Хисейкина, подыскала себе в жизни, чтобы родить единственную дочь. Почему-то мне кажется, что других детей у меня уже не будет. Как врач, я слишком хорошо понимаю все тяготы поздних родов.

Интересно... И это тоже – результат моей случайной (я была убеждена, что именно случайной) встречи с мужчиной вчера ночью? Ни разу за последнее время мне не приходила мысль – будут ли у меня еще дети или нет...

Хисейкин ответил сразу и почти весело:

– Да-да?

– Привет, Вадик. Это Саша.

– Саша, Саша... – проговорил Хисейкин, видимо, занимаясь в этот момент чем-то другим. – А, ну да. И тебе привет. Привет тебе, привет...

– Вадик!

Я даже остановилась. От его наглого, равнодушного голоса мне захотелось закричать. Какой подлец, ну надо же! Как будто ничего не произошло!

– Саш, ты чего-нибудь хотела? А то я занят.

– Вадик, – я опустила всю лирику про то, как нехорошо он поступил, договорившись с Ийкой за моей спиной, и о том, как вообще все нехорошо, просто по-скотски получается, и

спросила о главном: – В какую школу Ийка завтра пойдет? Каникулы кончаются.

– Каникулы? У нее каникулы? А я думал, она у тебя школу бросила.

Он, наверно, специально издевался, чтобы я нажала «отбой» и перестала приставать к нему со сложными вопросами.

– Нет, Вадик. Она ученица девятого класса. И учится вполне прилично. Ты же все знаешь. Давай не ссориться, пожалуйста!

– Я с тобой поссорился много лет назад. Когда ты решила рожать и заставила меня на тебе жениться. Я потерял с тобой несколько очень важных для себя лет. Так чего ты хочешь?

– Вадик... – У меня все же сдали нервы. – Зачем ты это сделал? Зачем ты забрал Ийку? Она же еще маленькая, ничего не понимает! И зачем ей работать у тебя?

– Да жалко ее стало, – зевнул Хисейкин. – Ходит, завидует, по сторонам смотрит голодными глазами, у Маришки моей вещи кланчит...

– Нет! – вырвалось у меня.

– Да, Саша, да. Вот и решил бедолаге помочь. Пусть хоть немного нормально поживет. Все равно мы ее долго не выдержим, отдадим в другую семью... куда-нибудь. Она уж очень Марину раздражает, завистью своей и... – он секунду подбирал слово, – подбострастием.

Он победил. Я нажала «отбой». Села куда-то, что попало по дороге. Закрыла рот рукой, закусив ее так, что прокусила

толстую кожу перчатки. И просидела так несколько минут, стараясь не закричать – от боли, от ужаса, от беспомощности.

И что, что мне делать? Куда идти? Как говорить с Ийкой? Пойти в роно? Или к участковому милиционеру? Ее отдадут в другую семью... Да она что – вещь? Моя глупая Ийка... Господи...

Какие же слова найти, что надо сделать, чтобы как-то убедить ее вернуться? Я не верю, нет, не верю, этого не может быть, чтобы она что-то клянчила, чьи-то вещи или что-то еще! Она ведь не так уж плохо одета, даже модно, как только позволяет наш бюджет... По крайней мере, не хуже, чем другие девочки в ее классе. Я очень хорошо понимаю, как в этом возрасте важно быть модной, стильной...

Ой, Господи... Нет, я просто не выдержу... Ведь единственный человек, виноватый в том, что произошло, – я сама. И больше никто. И хуже этого нет. Нельзя найти врага и начать на него облаву, атаку, засаду – все что угодно. На себя-то как начать облаву и засаду? Уже все понятно – я неправильно воспитывала Ийку Но теперь-то что делать? То время не вернешь, когда я чувствовала – не надо ей с Хисейкиным общаться! Вот она – цена сладкого куска, цена его подачек. Да, мне хотелось, чтобы у Ийки было все, как у большинства девочек: и одежда, и хороший отдых, и книжки, и куклы. А для этого нужны деньги. Сама я не могла заработать со своей профессией столько, чтобы мы не жили за ужасной, кроша-

щей судьбы гранью нищеты. И так-то нашу жизнь слишком обеспеченной назвать было бы трудно. Но, по крайней мере, в необходимых вещах Ийка отказа не знала.

И обездоленной девочкой, у которой нет папы, она тоже себя не чувствовала. Наоборот, я сумела убедить ее, что у нее ситуация – лучше, чем у многих детей, чьи родители ругаются и даже дерутся на глазах у детей. У нее ведь раз или два в месяц появляется благожелательный папа и общается с ней, а также со мной – вежливо и предупредительно.

Говоря ей это, я всегда знала, что вру. Этот благожелательный папа не выносит меня и не слишком любит ее саму. А те родители, которые ругаются и даже ссорятся, – чаще всего любят друг друга. Хоть как-то, хоть в чем-то, пусть временами. И дети, страдающие от родительских ссор, не могут этого не чувствовать и не видеть.

Мучительные мысли постепенно перестали носиться у меня в голове с бешеной скоростью, толкая и перегоняя друг друга. Когда я почувствовала во рту вкус крови, то, наконец, подняла голову, сняла перчатку и увидела, что прокусила не только ее, но и руку. Но зато чуть успокоилась. Я посмотрела, на чем я сижу. Правильно, молодец. Каменная мусорка, обледеневшая за зиму, стала чем-то вроде табурета или тумбы. Я встала и отряхнула – сначала зачем-то тумбу, потом уже свою потертую шубу. Выбросить ее вообще, раз она так стала меня раздражать, моя старая любимая шубка, верно прослужившая мне столько лет, точнее, столько морозных и

промозглых московских зим...

– Будешь? – стоящая рядом тетка протянула мне пластмассовый стаканчик, и я почувствовала резкий запах спирта, на холоде показавшийся мне металлическим и очень неестественным. – Не убивайся ты так! Чего только не бывает. Давай, Сашка, за нас! Что? Не узнаешь? А я часто тебя здесь вижу, как ты бежишь в поликлинику...

Я посмотрела на неровное, подпухшее лицо тетки. Не может быть. Это же моя одноклассница, Ленка Шабалкина... А с ходу я бы сказала – женщина лет на пятнадцать меня старше. Что с ней такое произошло? Я слышала, что она пьет, но не думала, что это все так ужасно...

– Что у тебя случилось-то? – Ленка смотрела на меня пьяными глазами, но очень внимательно. – Ты расскажи, легче станет. Мне, знаешь, все рассказывают. Сливают... – Она засмеялась, хрипло и громко, так что кто-то из людей, стоящих на остановке, оглянулся на нас. Главное, чтобы там не оказалось маминых подружек и Нин Ивановны. Стыда потом не оберешься и не докажешь, что не распивала на мусорном бачке водку с уличными алкоголиками.

– И девки наши звонят, ты не думай, – продолжала как ни в чем не бывало Ленка. – Как у кого что случится – тут же ко мне. Потом – не дозвонишься им, нету их! До следующих похорон или развода... Или в больницу кто загремит... А Ленка тут как тут. Я, думаешь, не понимаю, что меня стесняются? Ты тоже стесняешься. А ты не стесняйся. Люди! –

Ленка оглянулась на остановку, хотя никто особо на нас и не смотрел. – Лю-ди! – Она повысила голос. – Это вот очень приличная дама – пе-диа-тор... Я правильно говорю?

– Лен! Ну, хорош! Прекрати! – Я видела, что она находится в том состоянии, которое для нее, видимо, близко к трезвому, и вполне меня понимает. – Давай отойдем хотя бы. И кричать не будем.

– Давай, – неожиданно согласилась Ленка. – К тебе пойдем?

– Лен, у меня вообще-то вызовы, рабочий день еще.

– Ну, ясно, – судорожно зевнула Ленка, обдав меня сложным перегаром, в котором я четко уловила некую парфюмерную составляющую. Не удивлюсь, если она вовсе и не пила вчера одеколон, а сегодня утром подушилась чем-то пряно-цветочным. – Не дошла еще до точки, значит, чтобы Ленку в гости звать!

– Ты что, Лен... – Я дотронулась до отвердевшего на морозе рукава ее шерстяного пальто.

Все-таки одноклассники есть одноклассники. Те десять лет всегда живут в душе. Для ребенка десять лет – как для взрослого тридцать, а то и пятьдесят. Эта была целая вечность, проведенная вместе.

– Не обижайся! Мне действительно по больным ходить надо. Вот, смотри. – Я раскрыла свою сумку, которую, кстати, обязательно надо выбросить этой весной, сразу же вслед за шубой... Поменять на что-то модное, яркое, звенящее,

неожиданное...

Ленка довольно равнодушно глянула на карточки.

– Да и мне надо спешить, – вдруг сказала она. – Степанычев ногу сломал, в пятьдесят второй лежит. То есть уже ковыляет кое-как. Степу помнишь?

– Помню, конечно. А он, что, развелся?

Ленка недовольно повела плечами и вскинула голову, отчего ее нос совсем задрался вверх, крупной веснушчатой уточкой.

– А мне оно надо? Не знаю я. Ходит к нему кто-то... Жена – не жена... Помыть ему голову нужно. Сам не может. На такой штуке, знаешь, ходит... держится... – Ленка широко помахала руками вокруг себя, имея в виду, наверно, ходунки. – Нянек, понятно, не допросишься... За полтинник уже никто ничего не хочет делать. А мне его жалко.

Я с интересом посмотрела на Ленку. Она так и стояла со стаканчиком в замерзшей руке без перчатки. Бутылка, скорей всего, была у нее в пакете. Кто бы мог подумать, глядя на эту женщину, что она едет в больницу мыть однокласснику голову. Причем могу догадаться, что, выписавшись из больницы, Степа, Витка Степанычев, и думать забудет про Ленку.

– Пойдем до следующей остановки пешком? – предложила я. – Мне все равно в ту сторону, в шестнадцатый дом. А ты там сядешь на автобус.

– Пойдем, – кивнула Ленка и положила стаканчик в пакет.

– У тебя есть перчатки? – спросила я, глядя, как Ленка прячет руку в рукава выдавшего виды пальто с когда-то пышным меховым воротником.

– У меня все есть! – гордо ответила Ленка. – Приходи, сама посмотришь. Не помнишь, как ты ко мне раньше в гости ходила, со своим женихом?

– Помню...

Как не помнить! Я еще потом думала, что если бы не Ленкина добросердечность, вполне возможно, я не забеременела бы Ийкой и не вышла замуж за Вадика. Нам с ним негде было встречаться, мы оба жили с родителями. Его друзья пускали нас очень неохотно, а мне и просить о таком было особенно некого. Вот разве что Ленку. Я вообще часто думаю о том, что зря встретила Вадика – вся жизнь пошла с тех пор наперекосяк. Но представить свою жизнь без Ийки я не могу. И думать – вот был бы другой человек и другие дети... Как это можно, когда есть живая, любимая до бесконечности, единственная дочка!

При мысли об Ийке у меня уже рефлексом потекли слезы. Надо что-то с этим делать. Не таблетки пить, конечно, а как-то действовать. Я быстро отвернулась и достала уже совершенно мокрый платок, почему-то пахнущий Ийкиной туалетной водичкой, нежной, с прозрачным летним запахом.

Ленка заметила, что у меня покраснели глаза, и тут же спросила:

– Так что у тебя случилось? Ты не бойся, говори. Я же не

радио. Радио у нас Настька Каравайко, ты ж знаешь.

— Знаю, конечно, — улыбнулась я сквозь слезы. — Как было в классе, так и осталось. Если хочешь, чтобы знали все, — позвони Настьке.

Мы шли по улице вдоль бульвара. Наш район имеет приятное свойство — он построен на широком просторе и отовсюду, где бы ты ни шел, всегда видны лес, речка — залив Москвы-реки, облака. И Москва — на другом берегу, всегда чуть поодаль...

— Моя Ийка ушла из дома, — неожиданно сказала я вслух.

Ленка быстро глянула на меня. Я видела — она хотела что-то спросить, но не стала, а только сразу сочувственно покачала головой. И я продолжила:

— Ушла к Вадику. Работает у него гувернанткой.

— Говорила я тебе тогда — козлиный хвост этот твой Вадик! — в сердцах сказала Ленка.

Хорошо, что мои родители когда-то отдали меня в английскую спецшколу. Ходить в нее было далековато, но зато даже маргинальные личности какие у меня в классе приличные! Я улыбнулась собственным мыслям.

— Да не то слово, Лен! Я с ним только что разговаривала, как раз когда ты ко мне подошла. Хочет отдать ее каким-то людям, в услужение, как это раньше называлось... Полная ерунда. А она, глупая, ничего не понимает. Думает, что в лучшую жизнь наконец прорвалась. Тебе пианино, кстати, не нужно?

– Пианино? – быстро спросила Ленка. – Пианино нужно. Хочу Костю, младшего, посадить – пусть учится. А то он на игрушечном с утра до вечера все песни подбирает. Озверела от него.

– Ему сколько, Лен?

– Да семь уже, – вздохнула Ленка совершенно адекватно. Приятное свойство сильно пьющих людей – они очень адекватные и компанейские до определенной грани, определяемой количеством выпитого. – Пошел в школу. Умный, как будто не мой. Старший-то – просто я сама. И убить его иногда хочу, да не могу – вот точно я, и все. Он не виноват, что такой раздолбай.

Я помнила, что у Ленки – двое сыновей. С мужем она развелась давно, кажется, сразу после рождения второго. И как-то тянула их все время одна.

– Ты пианино продаешь?

– Отдаю, Лен. Хочешь – бери. Самовывозом только.

– Да что ты!.. – заволновалась Ленка. – Конечно, вывезем. Мне Лешка привезет... Я тебе про Лешку не рассказывала?

И не рассказывай – хотела сказать я. Могу себе представить и этот рассказ, и самого Лешку...

– Слушай, давай остановимся на минутку! Хоть по маленькой, а, Саш? Что ты прямо как не своя...

Вот тебе и адекватные себе и миру маргиналы!

– Я на работе, – по возможности строго сказала я, и вдруг Ленка меня поняла.

– Ну да, точно. Я забыла! – засмеялась она и очень непосредственно хлопнула себя большущей, совершенно окочевшей рукой по лбу. – Ладно, со Степой выпьем, в больнице, ждет небось – заждался. Никто ведь не догадается водочки принести – кто тащит апельсины, кто конфеты. А самое главное – только Ленка.

– Слушай, Шабалкина, давай я дам тебе перчатки, что ли... Только тут вот одна прокушенная...

– Кто это тебя так – собака? – удивилась Ленка, тут же беря перчатку и пытаясь натянуть ее на руку. – Ничего себе зубки... А руку не порвала? Не-а, не лезет. А других нет?

– Других нет, – засмеялась я.

– А и ладно! – тоже хохотнула Ленка, и я машинально отметила, как много зубов у меня осталось во рту по сравнению с Ленкой. – Все равно на день. Я и покупать перестала. Напьюсь – потеряю. Не привязывать же на веревочку, как я пацанам привязывала.

Мы уже и вторую остановку за разговорами прошли. Мне надо было теперь сворачивать во двор.

– Я пришла, Лен. Спасибо за компанию.

– Ты подожди, подожди! Я сказать-то хотела...

Ленка попыталась приостановить меня на ходу, боялась, видно, что уйду, не дослушав, но, поскользнувшись, упала на одно колено и чуть не утащила за собой меня на землю. Я с трудом удержалась на ногах и помогла ей подняться.

– Вот лошадь какая, а? – засмеялась она. – Уже восемьде-

сят килограмм нажрала, представляешь? А в тебе-то небось и сорока нет?

– Да ладно. Пятьдесят пять уж точно.

– Сашка, ты знаешь чего... – Ленка прокашлялась. – Ийку свою назад не зови. Перетерпи. Пусть покусает там у мачехи камней-то, другого та не даст, уж точно. Я вот чувствую просто – сама придет обратно.

– Ох, не знаю... – Я покачала головой. – Придет, вся разочарованная, оплеванная, униженная... И зачем ей эти мачехины, как ты выражаешься, камни?

– Это не я выражаюсь, это в сериале одном, ну таком, знаешь... – Ленка пренебрежительно махнула рукой, – в бразильском! Я не смотрю его. Иногда только! Там мачеха одна, зверская тетка, красивая, но просто тварь, все в блюдо... как-то называется... забыла... мачача... мучача... ну, в общем, вроде лечо с колбасой – камешки подкладывала... А падчерица все зубы крошила – один за другим. Вот и твоя тоже... Нет, ну не по-настоящему, а... Понимаешь, да?

– Да понимаю я, Лен. Ухо бы свое дала отрезать, чтобы она ни камней, ни пирожков у Марины этой не ела... Падчерица! Да что за ерунда... Я жива, здорова, а дочь с мачехой живет...

– Ухо не надо! Лучше пианино мне отдай, а я что-нибудь придумаю, – авторитетно заявила Ленка и не удержалась-таки, достала свою бутылку водки. Умоляюще глядя на меня, быстро хлебнула из нее и, даже не охнув, проглотила, не за-

пивая и не заедаая ничем. — Кстати, ты не думай, я пианино не пропью, — добавила она, глубоко и с удовольствием вдыхая морозный влажный воздух.

— Нет? — переспросила я, видя, как с каждой секундой напряженное Ленкино лицо разглаживается, а в глазах появляется очень характерный чумоватый блеск.

Я помню до сих пор, как однажды Ленка, только еще начинавшая усиленно прикладываться к горькой, напилась на встрече класса и стала подбрасывать хрустальные стаканчики из хозяйского сервиза. Когда стаканчики у нее отобрали, Ленка стала подбрасывать хозяина, маленького Яшу Исайкина, высоко подбрасывать и ловко ловить... Года через два после встречи класса и Ленкиных крепких объятий Яша наконец-то получил разрешение уехать в сумрачную Германию. И как не побоялся, что возьмут и вернутся прежние времена, лет-то прошло — всего ничего... И за ним, талантливым, изящным, умным, побегут сильные смелые парни, побегут, не рассуждая, с одной-единственной надеждой: поймать Яшу и уничтожить, вместе с другими его головастыми сородичами, что-то другое знающими о жизни, что никак не дает покоя тем, кто не знает...

— Нет, не пропью, — подтвердила Ленка, еще глотнула, уже поменьше, громко выдохнула, закрутила бутылку и бросила ее в пакет. — Все!

— Напилась? — засмеялась я.

— Ты не смейся! Когда я говорю «Все!» — значит, все. Я

норму свою знаю, на улице никогда не упаду.

Ой ли, подумала я. Тут процесс неконтролируемый. Сейчас не упадешь, а через два года... А младшему сыну только семь лет...

– Не упаду И пианино не пропью, – упрямо повторила Ленка. – Я ничего не пропиваю из дома. Я ж не запойная. Пью каждый день, но понемножку, понимаешь? Ну что ты прямо! Сама ж врачиха, должна знать – это разные вещи!

– Лен, я детский врач, – ответила я со вздохом. Я уже начала жалеть, что пустилась с ней в долгие разговоры. Нашла кому рассказывать... Молчала-молчала – и рассказала.

Я часто замечала – то ли некоторые мысли мои имеют четкую форму и материальную природу и тут же непостижимым образом залезают в чужую голову, то ли просто-напросто у меня все написано на лице. Вот и сейчас Ленка посмотрела на меня и спросила:

– Жалеешь, да, что поделилась со мной? Не жалей. Я – могила. Трепать не пойду. И помогу в случае чего. Ты зови, не стесняйся. Шкафы передвинуть, потолки помыть, да и вообще...

– Ладно... Ты беги. Автобус идет.

– Позвонишь насчет пианино?

Я кивнула и, услышав звонок, достала телефон. Звонила мама маленького Гриши, Лиля.

– Александра Витальевна...

– Да, здравствуйте, Лиля.

– Я хотела попросить вас... если можно... Вы Гришу к себе сегодня не сможете взять? А то соседи уехали. Надька, подружка моя, разболелась, и все у нее болят... А у меня, понимаете, сейчас ремонт...

– Да, я понимаю, Лиля.

– У меня... – Лилия прокашлялась. – Ну, буквально на один день ремонт! Краской дышать нельзя...

– Конечно. А как Гриша себя чувствует, нормально?

– Да вроде хорошо.

– Вы на консультацию его в Филатовскую не свозили? Я вам направление давала.

– Н-нет пока. У нас же ремонт... Мне кроме вас некого попросить... – В Лилином голосе звучала такая искренняя надежда... Она замолчала, и я слышала в трубке ее быстрое дыхание.

– Я понимаю. Хорошо. Когда вы приведете его?

– А вы не можете его забрать? А то я не знаю, где вы живете...

Я вздохнула.

– Да, конечно. Я позвоню, когда закончу обход.

– А... а прямо сейчас не можете?

Вдруг снова вышло из-за облаков солнце и так ослепительно засияло, что смотреть широко открытыми глазами стало просто невозможно. Я чуть отвернулась от солнца и ответила Лиле:

– Я приду через час.

Глава 7

Я решила зайти к сильно болеющей девочке – как раз пошла к ее дому, и еще в пару квартир, что поближе. Потом взять Гришу и отвести его к себе домой, покормить – только надо подумать чем – и затем уже закончить обход. Денег на продукты у меня почти не осталось, но придумать что-то можно. Есть кое-что в морозильнике, есть всякие овощи, можно быстро сварить суп.

Купив в киоске свежий рижский хлеб, я сразу отломила мягкую ароматную горбушку и быстро ее съела. Кажется, я давно сама ничего не ела. Утром в кабинете я пила чай с конфетами из детского подарка, который остался с Нового года – кто-то принес мне в качестве новогоднего оброка. Хочешь не хочешь, а врачу и учителю тащи все, что есть, похожее на подарок...

Хлеб показался мне вкусным невероятно. Странно. Что-то, похоже, произошло в природе. Или во мне. Я не успела подумать, что именно, потому что снова раздался звонок телефона.

– Александра Витальевна! – быстро и, мне показалось, весело говорила Лиля. – Это Лия. Гриша будет стоять внизу, с пакетом. Хорошо?

– Где внизу, Лия? – Я даже остановилась.

– Ну... у подъезда... Просто сейчас начинают красить...

Я просто не могла представить себе того маляра, из-за которого Лиля так уж решительно расправлялась с Гришей. Наверно, стоящий маляр.

– Тогда лучше в подъезде, Лилия. Пусть ждет меня внизу, у почтовых ящиков.

– Хорошо! – очень обрадовалась Лилия и даже засмеялась. Смех у Лили был красивый, переливчатый. Редко кто сейчас так смеется – долго, громко и не обращая внимания, смеются ли остальные. Значит, она не рассчитывала на мое быстрое согласие? Может, и не надо было так сразу соглашаться? Что вдруг за срочная малярка-штукатурка такая... А если и правда дышать нечем в квартире и кроме меня некому позвонить? Разве так не может быть? Это мне хорошо было, мои родители всегда соглашались помочь с Ийкой, когда та была маленькая. А когда у тебя одна пара рук и ног, и надо все успеть, все сделать...

– Лилия, оденьте его потеплее и подстелите что-нибудь, хотя бы газету, чтобы он не сидел на голом полу. И дайте книжку какую-нибудь. Я скоро приду, не волнуйтесь.

Я уже заходила в подъезд к девочке с воспалением легких. И решила сразу после нее поспешить к дому незадачливой Гришиной мамы. Хотя... Кто знает, как жилось бы Грише, если она из-за него себе во всем бы отказывала, в самом для нее главном. Может, она бы орала на него, рыдала с утра до вечера, била бы...

Но я ведь точно не знаю, как живется ему сейчас. Почему

он такой бледный и почему глохнет? Врожденных причин тому как будто нет.

Гриша ждал меня в подъезде. Сидел на сложенной вдвое газете «Северо-Западный округ» и смотрел на входную дверь. Могу сказать: хуже нет, когда ребенок не прыгает, не шалит, а может спокойно, ничего не делая, просидеть на одном месте десять минут. Это первый признак того, что с ним что-то не в порядке.

– Гришенька, здравствуй, малыш!

Он обрадовался, увидев меня, но с места не двинулся.

– Пойдем, пожалуйста! Я приглашаю тебя сегодня в гости. Посмотришь, как я живу. Я же была у тебя в гостях, а ты у меня – нет.

– Можно, вы отведете меня домой? – спросил Гриша и собрался плакать.

Даже для моего, более или менее привычного ко всему, что касается детских слез и страданий, сердца, это было слишком. Но как же так можно, в самом-то деле! Проявлю-ка я характер и посмотрю – что там за ремонт с размахом у Лили затеялся... Я поднялась пешком на четвертый этаж, постояла перед закрытой стеклянной дверью на площадку. Естественно, никаких мешков с цементной смесью или досок за дверью видно не было. Характерных звуков ремонта тоже не было слышно. Я подняла руку, чтобы нажать на звонок. Помедлила и спустилась обратно. Просто в другой раз она мне не позвонит. А не найдет, кому сбегать Гришу, так

возьмет и оставит его сидеть в подъезде на ночь – в принципе, там тепло, топят хорошо, можно и булочку ему с собой дать. Возмущаясь про себя, я спустилась на первый этаж и... Гришу не обнаружила.

– Гриша! – Я огляделась по сторонам.

Первым делом я решила, что он спрятался. Маленькая Ийка лет до восьми любила прятаться от меня под столом, за дверями, за шторой, могла спрятаться за машиной, которая собиралась отъезжать, и в шкафу, где хранятся стиральные порошки и домашние инструменты – молоток, пила – в той самой каморке, которую она потом всю жизнь боялась...

Я прислушалась – ни шороха. Странно. Большого пакета и сумки, с которой мальчик сидел, тоже не было. Я быстро заглянула во все закутки, где бы он мог спрятаться. Поднялась на второй, третий этаж... Господи, ну вот этого еще не хватало! Кто и как мог забрать его из закрытого подъезда? Это же не вокзал и не супермаркет, где детей воруют!

Я вдруг почувствовала, что в подъезде Гриши нет. Быстро выйдя на улицу, я огляделась. Нет. Около подъезда вообще никого не было, даже спросить не у кого. Я решила обойти дом, по дороге пытаюсь сообразить – куда выходят окна Лилиной квартиры, и никак не могла вспомнить. Точно, что только на одну сторону, потому что квартира однокомнатная, совершенно типовая – ни спрятаться, ни укрыться, ни тайком от сына найти самого лучшего в мире мужчину... А что иное, кроме отчаянного и нереального жела-

ния срочно, немедленно прикрепить к себе некоего исключительного мужчину всеми имеющимися в арсенале средствами, может подвинуть вполне вменяемую, на вид милую, непьющую женщину выставить сына в подъезд с пакетом и тут же ухватиться за чью-то вожаделенную ширинку... Иначе чем мог помешать Гриша своей маме, вечной и горемычной невесте, уже наперед обманутой всеми женихами?

Я издалека увидела маленькую фигурку в темно-зеленой курточке и серой шапке, неподвижно стоящую под окном. Гриша нашел свое окно – конечно, мама же часто зовет его из этого окна, когда он, большой мальчик, гуляет один на площадке перед домом.

Я подошла к ребенку и молча встала рядом. Гриша все так же смотрел на окно. Я тоже посмотрела и разглядела какую-то небольшую игрушку, висящую на окне.

– Что это у тебя висит на окне, Гришенька?

– Журавлик... Мама мне вчера подарила, сама сделала из тетрадки... А я раскрасил его... Мама сказала, что журавлик приносит счастье. – Гриша говорил чуть замедленно, но очень хорошо для своих семи лет.

– Вы навсегда заберете меня от мамы? – спросил меня Гриша и посмотрел совершенно несчастными, тут же намокшими глазами.

– Знаешь что, давай-ка мы не будем плакать на улице, а? Сегодня смотри как холодно! А то придется потом сопلي лечить. Навсегда я тебя не заберу. У меня же есть своя дочка,

я тебе рассказывала, помнишь?

Гриша кивнул. Я приобняла мальчика, взяла у него тяжелый рюкзак и пакет с одеждой. Что-то Лиля с одеждой перестаралась – всю полку, что ли, не разбирая, вывалила в пакет? И как только мальчик дотащил его сюда...

– Вы приведете меня к маме обратно?

– Конечно, Гришенька.

– Сегодня? – не очень уверенно уточнил мальчик.

– Посмотрим, малыш. Когда у вас ремонт закончится.

– У нас нет ремонта, – ответил мне Гриша и, вздохнув, взял меня за руку. – А я сегодня звуки опять слышал... Мама что-то говорила по телефону, смеялась, я сначала слышал, что она говорит... А потом стало тихо... и я услышал звуки... как будто играет музыка... Потом опять стало тихо... и снова заиграла музыка...

– А ты помнишь эту музыку?

Гриша кивнул.

– Я ее часто слышу. Только она все время разная. Похожая, но разная... И как будто играет... я забыл как называется... дудочка, и еще с кнопками сверху... Флейта!

– Понятно. А ты не пробовал записать мелодию? Или наиграть ее?

– Да, я иногда потом ее играю...

– А учительнице в музыкальной школе показывал?

– Нет. Я же давно не ходил в музыкальную школу. Меня водить некому.

Конечно. Как же я забыла! Лиля мне рассказывала, что ее мама вышла замуж и не может пока сказать мужу, что у нее есть внук. Вероятно, любовь к противоположному полу передалась Лиле по наследству, и она ничего не может с этим поделать, точно так же как кто-то не может никак наесться – ест, ест, толстеет, сидит на диете, потом опять ест и ест – любит есть, и все тут. Любит вкус еды, запах, процесс поглощения. Когда еда во рту, когда она в тебе – так хорошо, так приятно, задействованы все клетки мозга, отвечающие за удовольствие и счастье. А если в тебе ее временно нет, ты думаешь только о ней, какая она будет, эта еда...

– Когда у тебя урок, ты не помнишь?

– Во вторник, кажется... Нет, я не знаю. У меня записано! – Гриша остановился и, совершенно по-детски поставив рюкзак прямо в лужу, стал что-то искать в нем. – А тетрадок из музыкальной школы нет...

– Ладно. Мы позвоним в школу и спросим, когда у тебя урок. Договорились? И я отведу тебя.

– Хорошо, – обрадовался Гриша. – А заберет мама?

– Конечно, малыш. – Я отвернулась. – Заберет тебя мама. Обязательно.

В тот момент я даже не могла себе представить, что еще ждало меня впереди.

У меня дома Гриша, раздевшись, постоял в комнате, оглядываясь, и вдруг куда-то направился. Я спешила приготовить

обед, поэтому не стала помогать ему осваиваться. К тому же новое пространство для ребенка, если оно не враждебное, – всегда приключение. Через несколько минут я услышала простую мелодию. Вот оно что! Гриша как-то разглядел, что в маленькой комнате стоят пианино... Я вышла из кухни, тоже огляделась, сдвинула кресло и столик ближе друг к другу и сказала Грише:

– Хорошо, что ты пришел. Поможешь мне одно пианино выдвинуть в комнату. То есть, в большую комнату. Давай выдвинем то, что ближе к двери стоит...

Обед мой Гриша есть почти не стал. Посидел, задумчиво вертя ложку в супчике, молча встал из-за стола, взял кусок хлеба и с ним вернулся к инструменту. Я не стала его оставливать – ребенок не ест, значит, не голоден.

Мне надо было бежать на вызовы, в сумке у меня лежало не меньше двадцати карточек. С некоторых пор наш главврач вернул традиции еще советских времен – все карточки хранятся в регистратуре, и врач на вызове обязан все вписать в карточку. Для наших пенсионерок это оказалось почти невыполнимым заданием – карточки некоторых ребятишек весят по триста-четыре грамма. И надо топать и топать – по лужам, по лестницам, таща с собой всю эту тяжесть. Я-то, конечно, смирилась с новым указом, мне так даже удобнее, не приходится с нуля начинать каждый осмотр.

Я уже надела сапоги, когда раздался звонок. Определившийся номер мне показался незнакомым, голос поначалу –

тоже.

– Ну, слава богу, – сказал кто-то, и я не сразу поняла, что звонит тот мужчина, с которым я нарушила свой вынужденный обет целомудрия сегодня ночью. – Я думал, ты не поднимашь трубку.

– Нет, я только пришла с работы и ухожу на вызовы.

– Ясно. Зачем ты так исчезла утром? Тебе было плохо со мной?

Да, мне было плохо, когда я увидела аккуратно пришитые пуговички на твоей рубашке и детские наклейки, могла бы сказать я. И не сказала. Зачем пускаться в такие разговоры? Что бы он смог мне ответить? «А! Не обращай внимание!» или: «Я с женой не живу, просто вместе покупаем продукты, вместе их едим и обсуждаем за едой дочкины тройки»? Зачем ставить в идиотское положение его и себя? И решив так, я ответила:

– Я боялась опоздать на работу.

– Ясно...

Почему-то мне было совсем его не жалко. Даже просто по-человечески. Даже если он подумал, что потерпел какое-то мужское фиаско.

– Я еще позвоню тебе? – спросил Олег.

Не надо – могла бы сказать я. Я вполне умею говорить «нет». Но мне не хотелось так уж до конца, из-за собственной слабости и глупости, терять друга юности.

– Конечно, Олежек, позвони, – согласилась я и сама услы-

шала, как неискренне это прозвучало.

– Ясно... – опять сказал он. – Ну, ладно. Олежек так Олежек. Но я позвоню.

Я побыстрее нажала «отбой». Чем-то ему не понравилась такая конфигурация своего имени, хотя я ровным счетом ничего не имела в виду. Но я вот тоже терпеть не могу, когда меня называют Шурой или, что еще хуже – Шуриком. Одна моя подружка, Ксения, сколько ей ни говори, сбивается на «Шурика» в моменты особой откровенности. Может, я кажусь ей в эти моменты теплым, близким, все понимающим другом Шуриком, надежным и мудрым, таким, каких в природе просто не бывает?

Перед уходом я взглянула на Гришу, увлеченно подбирающего что-то на пианино. Мне пришла в голову отличная мысль. Я быстро сняла сапоги, прошла в маленькую комнату, взяла кучу Ийкиных нот, там наверняка найдутся и чистые нотные тетрадки, и положила всю стопку перед своим маленьким гостем.

– Разбирайся, здесь много хорошей музыки. Ты ведь умеешь по нотам читать?

– Конечно! – обрадовался Гриша.

– И записать можешь ноты, если опять... услышишь что-то.

Он как-то странно взглянул на меня и опустил глаза.

– Ты что, Гришенька?

– Мама не разрешает об этом никому говорить. Я плохо

сделал, что сказал вам...

– Да почему? Что ты? – Я присела перед ним на корточки, чтобы лучше видеть его глаза.

– Потому что мама говорит, что я... – он подумал, смешно наморщив лоб, – шизоид.

– Шизоид... – невольно повторила я за ним это слово. – Да что ты, Гриша!.. – И я замолчала. Потому что даже и не знала, что сказать дальше. Сказать, что мама его – дура? Или что она пошутила? А может быть, просто слова перепутала? Имела в виду, что он вундеркинд, а сказала – шизоид... Или надо было сказать – наплюй на то, что говорит мама? Ведь она объяснила ему, что означает это слово, судя по ужасному, убитому выражению лица мальчика. В растерянности я перебирала стопку нот, лежавших на пианино, и увидела старую Ийкину тетрадку по сольфеджио.

– Вот смотри, это моя дочка писала диктанты в музыкальной школе. А это, кажется, задание по композиции, она сама пыталась музыку придумывать, несколько фраз, и записывала нотками. Можешь попробовать сыграть...

Гриша недоверчиво посмотрел на меня.

– Хорошо...

Оставив Гришу за пианино, я как могла быстро вышла из дома. Уже в лифте я просмотрела адреса. Ну, как нарочно! Хоть бы два вызова в одном и том же доме или в соседних! Была бы машина, конечно, все было бы проще. А так... Автобусы в Строгино, как начали ходить тридцать пять лет

назад по маршруту «Метро „Щукинская“ – кровати граждан вот этих пяти громадных домов, еще тех и вон тех», так и ходят. Внутри нашего района, состоящего из нескольких огромных замкнутых дворов – фантасмагорических потомков традиционных московских двориков, передвигаться можно или пешком, или на собственной машине.

Я остановила свой ворчащий внутренний голос и, взглянув на совершенно ослепительное небо, густо-синее, с чистейшими легкими облачками, стремительно мчащимися по небу, вдруг подумала: как хорошо, что в такой прекрасный день я могу пешочком пройти по улице, и не раз, кстати. А вот каково же тем людям, кто работает в метро, или в полуподвальных помещениях с мертвенным белым светом и принудительным воздухообменом, или в книгохранилищах? Они даже не узнают, какой чудесный сегодня был день. А ведь утро было совершенно другое – когда я шла по дороге, не надеясь поймать машину на трассе.

Неужели это все один и тот же день? Как будто целая неделя прошла со вчерашнего вечера...

Я несколько раз пыталась звонить домой, но Гриша не поднимал трубку. То ли боялся, то ли так увлекся музыкой. Я заходила в очередной подъезд, когда у меня промчалась какая-то мысль, даже не мысль, а тень мысли. Что-то хорошее, связанное с этим мальчиком, которому в раннем детстве приходится узнавать, что такое – быть нелюбимым. Что это может означать для всей последующей жизни ребенка,

многие родители просто не понимают. Так много говорится о папах, не дающих детям достаточно любви, но уж если малыш не получает в нормальном количестве витамина маминной любви, последствия могут быть непредсказуемыми и самыми ужасными. Но сейчас я как раз подумала, что... Я не успела ухватить свою мысль, меня отвлекла женщина, вместе с которой я вошла в подъезд, не позвонив по домофону в квартиру больного ребенка. Женщина подозрительно посмотрела на меня и спросила грубоватым, натруженным голосом:

– Куда?

– В двадцать девятую, – миролюбиво ответила я, понимая ее опасения – мало ли кто с милой улыбкой и потрепанной кошелкой может проникнуть в закрытый подъезд.

– В двадцать девятую!.. – повторила женщина недовольно и так громко, что я даже отступила от нее на шаг. – Смотри, я потом там на лестнице проверю! Если ты там...

Слушая, как она вслух предполагает, что я могу сделать на лестнице, я поспешила пешком подняться на шестой этаж – все лучше, чем она скажет мне это в лицо. Все равно я вряд ли сумею ловко и остроумно ответить. А уж ругаться точно сегодня не смогу. Я вдруг почувствовала, что ужасно устала. Между четвертым и пятым этажом я приостановилась, чтобы отдышаться, и услышала все тот же грубый голос. Надо было сразу рявкнуть на нее в ответ, тогда она давно была бы уже дома. А так женщина все кричала и кричала мне вслед

и никак не могла успокоиться.

Таким голосом кричала одна преподавательница у Ийки на танцах – года два я пыталась водить ее на хореографию. Но, несмотря на прекрасную природную растяжку и музыкальность, Ийка совершенно равнодушно относилась к занятиям. Однажды я пришла чуть пораньше и услышала, как ее преподавательница, энергичная женщина лет сорока пяти, вдруг взвыла за дверь: «Стоять! Всем стоять по стойке смирно! Рты свои закрыть! Навсегда-а-а!» Если бы голос был не такой страшный, не напоминал бы рев раненого бегемота, это звучало бы даже смешно.

Ийка вышла тогда с занятия бледная, напряженная, прижалась ко мне, и я решила больше не водить ее на танцы, где под прелестную музыку Шопена просят навеки закрывать рты и вытягиваться по стройке «смирно». Через пару лет мы встретили эту преподавательницу, она узнала Иечку, посетовала, что та перестала ходить на танцы, и рассказала, что сама нашла теперь хорошую работу в закрытом фитнес-центре. Глядя на улыбающуюся, спокойную женщину, мне трудно было поверить, что именно из-за нее Ийка перестала ходить на танцы, которые ей поначалу так нравились.

Есть родители, которые считают, что детишкам полезно с малых лет привыкать к жестокости жизни и даже хорошо, если встречаются такие преподаватели. Ребенок, который научился спокойно переживать крики и ругань учителей, не погибнет, как нежный оранжерейный цветочек, от первого

дуновения промозглого ветерка. Мне же почему-то кажется, что дети, вынужденные терпеть жестокость и грубость родителей или преподавателей, становятся похожими на хитрых, злых зверьков, действительно умеющих пережидать страшные минуты, закрыв глаза, напрягая все свое маленькое закаленное тельце и ненавидя, истово ненавидя и воспитателя, и весь мир – враждебный, лживый, несправедливый.

Обход занял у меня часа три, сегодня я старалась не пускаться в подробные разговоры с мамами и бабушками. Как только разговор плавно переходил на дурные привычки мужа или на подорожание электричества, я показывала сумку с карточками и помахав на прощание своему очередному сопливному пациенту, быстро уходила дальше.

Я звонила и звонила Грише, и, слава богу, один раз он все-таки снял трубку. Задумчиво и тихо ответил мне почти на все вопросы, и я несколько успокоилась.

Было уже около семи часов вечера, когда у меня остался один только вызов. Вернее, даже не вызов, а адрес. Ведь меня никто к Владику не вызывал. Я взглянула на себя в стекло киоска с газетами... Так. А что, собственно, гонит меня туда? Только ли бедный маленький мальчик, еще один бедный мальчик... Мальчик и правда тронул мою душу. А зачем я тогда посмотрела, как выгляжу? Я иногда по несколько дней причесываюсь и мажусь кремом не глядя в зеркало, не подкрашиваюсь вовсе и совершенно не интересуюсь, как при этом выгляжу... Благо светлые, слегка выующиеся от при-

роды волосы, доставшиеся мне от мамы, всегда создают впечатление некой, очень приблизительной прически. Изящная блондинка, милая и невредная, – просто мечта любого мужчины. Идет сейчас эта мечта одна, в невероятно потрепанной шубейке, похожей на двенадцатилетнего эрдельтерьера, и сама себе не очень нравится.

Вот, наверно, в чем моя беда и ошибка: я никогда себе не нравилась. Когда мне говорили: «Ты такая тоненькая!», я слышала: «Ты такая худосочная...» Когда делали комплимент моим серым глазам, я присматривалась к ним и обнаруживала, какие же они невыразительные и неяркие... Я всегда хотела быть выше, крупнее, иметь тело, говорить так, чтобы меня было слышно. Я хотела быть какой-то другой, не такой, как родилась. Почему? Мне не хватало родительской любви в детстве?

Мама очень любила папу, всегда, сколько я помню себя и их. Родители были сами по себе, любящие друг друга, нежные, дружные, как ниточка за иголочкой, а я – сама по себе. Они отправляли меня в лагерь, а сами ехали отдыхать в санаторий. Они оставляли меня дома, а сами шли в консерваторию. Они укладывали меня спать пораньше, как положено, чтобы я могла выспаться перед школой, а сами долго сидели и увлеченно о чем-то говорили за стеной. Я слов не разбирала, только лежала и слушала веселый, невероятно интересный и непонятный, словно на иностранном языке, разговор.

Нет, у меня нет обид на родителей. Они давно состари-

лись. Я родилась поздно, мои мама с папой всегда оказывались старше родителей моих подружек. Я люблю их, навещаю, мне казалось, что я и Ийке сумела привить уважение к ним – любовь не привьешь.

Размышляя, я, наверно, не сразу услышала, как какая-то женщина говорит мне:

– Александра Витальевна! Да что ж такое!..

Она обогнала меня и остановилась передо мной, так, как тормозят машину, раскинув обе руки в стороны.

– Зову, зову вас... Не узнаете? Медсестрой я у вас работала... Вера Васильна... Вспомнили?

Да, точно. Нин Иванна бастовала, когда нам полгода не платили зарплату. Это было лет десять назад. Менялись министры здравоохранения, каждый что-то пытался реформировать, то давали, то отбирали, меняли порядки, структуры, имеющие мало отношения к реальной жизни. И месяцев шесть до нас почему-то не доходила зарплата. Мне помогали родители, но я даже подумывала – не устроиться ли хотя бы нянечкой в платный садик, где зарплата стабильная...

Нин Иванна сидела на даче, и, наверно, правильно делала. Лето стояло жаркое, и бесплатно ходить на работу смысла не было. Вот тогда и появилась Вера Васильевна. Образования у нее было маловато – фельдшерица со стажем работы в военной части под Алма-Атой. Но она согласна была ждать зарплату и помогать мне, чем могла. Правда, когда в ноябре заплатили зарплату за полгода и стали платить каждый ме-

сяц, Веру Васильевну наш главврач перевел в кастелянши, а потом вообще уволил – у нее не оказалось никакой прописки на тот момент.

– Здравствуйте, Вера Васильевна, я помню вас, конечно. Как вы поживаете?

– Да как! – улыбнулась та и махнула рукой. – Никак. Нормально. Замуж вот вышла.

– Поздравляю... – я с некоторым сомнением посмотрела на свою бывшую медсестру. Хотя на самом деле ей и лет-то не так уж много, сорок пять – сорок семь, наверно.

– Особо не с чем, – вздохнула она. – Уже развелась. Пил новобрачный мой так, что штукатурку по ночам ходил слизывать в подъезде. Да, да! Ты не смейся. Так все горело внутри – мелом заедал. Ну, а вообще ничего. Я что тебя догнала, вас то есть... Я нетрадиционной медициной сейчас занимаюсь. У меня же все – и мать, и бабка – травы варили, шептали там, ну, понимаешь... Я тоже умею. Только раньше-то все смеялись над этим, а сейчас – сама знаешь. Вот и я тоже – устроилась в центр один... – Она протянула мне листочек. – Может, так и неудобно говорить... Но если кто у тебя будет... сложный случай какой-нибудь... Из деток или взрослый кто... Можешь к нам направить... Консультация бесплатно.

– Ага, – вздохнула я. – А на консультации скажут: у вас неоперабельная опухоль, последствия от трех инсультов и скорая смерть. Но если пошептать чуток, но все само рассо-

сется, особенно последняя...

Вера Васильевна растерянно взглянула на меня. А мне стало неудобно. Что это я, в самом деле? Устала, наверно. Или волнуюсь, ведь я сейчас встречу с папой Владика, который чем-то так меня задел... Неожиданно задержавшимся на мне взглядом, чем-то еще? Откровенным барством? Или, наоборот, искренностью и беспомощностью? Мне он в целом не понравился, я уже это честно сама себе сказала. Но что-то же мне в нем понравилось? Или в самой себе, когда я с ним общалась... И теперь что-то гонит и гонит к нему снова – проверить, не возьмет ли он снова меня за ногу, что ли? Понимая, что идти туда не обязательно, я все же иду. И сама на себя при этом сержусь. Но при чем тут бедная женщина, которая выживает, как может? Я побыстрее взяла у нее рекламный листочек.

– Конечно, Верочка Васильна. Если кто заинтересуется, я передам.

Она кивнула. И как-то очень внимательно посмотрела на меня. Так внимательно, что я даже опустила глаза.

– Ей не очень хорошо сейчас, – негромко проговорила Вера Васильевна.

– Кому? – удивилась я.

– Твоей дочке.

Я подумала, что ослышалась.

– Дочке?

Моя бывшая медсестра кивнула.

– А... откуда вы знаете про Ийку?

Она пожала плечами:

– А я и не знаю. Так, увидела что-то... сама не знаю что...

Ох, как же я не люблю того, чего никак не могу объяснить с медицинской точки зрения! В тот момент первое, о чем я подумала, – как тесен мир. Наверняка просто каким-то образом Вера Васильевна узнала, что Ийка ушла из дома. И хочет поговорить на эту тему.

На мое счастье, из-за поворота появился автобус, и Вера Васильевна радостно воскликнула:

– Шестьсот пятьдесят четвертый! Побегу, Сашуня! Звони, если что!

Только разве «что» – недобро подумала я и побыстрее ушла. Ужасно не люблю, когда кто-то вмешивается в мою жизнь без спросу. Наверно, это тоже родом из детства. Родители мои жили замкнуто, и я привыкла, что подруги, если они и есть, существуют на расстоянии, причем очень приличном. С ними можно пойти в парк, погулять во дворе, но главное – не пускать их на некую запретную территорию – территорию семьи. Все, что происходит дома, касается только домашних. А если дома у тебя никого нет, то, значит, никого твоя жизнь и не касается.

Живущие по своим собственным законам мысли вдруг по неведомым для меня дорожкам сомкнулись, переплелись и вытолкнули такую странную мысль, что я даже сбавила шаг. Вот так же, как я шла, погруженная в свои размышления,

не слыша Веру Васильевну, когда та пыталась окликнуть меня, так и Гриша не слышит меня. И ничего со слухом у него не происходит. И вовсе он не глохнет. Мальчик – не глохнет! Поэтому обследование, куда Лиля после полугодовых уговоров возила его, ничего не показало. И не надо больше его возить ни в Филатовскую, ни куда-то еще. У него совершенно нормальный слух, но не очень обычная способность погружаться в интересующее его занятие настолько, что он практически перестает слышать то, что происходит вокруг. Я ведь об этом уже думала, вернее, было какое-то смутное, неопределенное ощущение, а теперь, благодаря встрече с Верой Васильевной, оно сформулировалось в четкую идею.

Я отогнала другую мысль – о том, что неспроста я встретила ее и что это все странная мистика. Никакой мистики для выпускника медицинского вуза, честно сдавшего все практикумы по анатомичке, нет и не может быть. В человеке все предельно ясно. Конечно, кроме одного – того, чего нет ни на одной анатомической карте: где живет душа, как она выглядит, из чего состоит, чем ее можно определить и почувствовать – разве что другой такой же душой.

Незамысловатые эзотерические размышления мои пришлось прервать – я подошла к подъезду дома Владика. Попытки быть с собой откровенной иногда заводят в тупик. Видимо, в природе человека себя обманывать. Например, полжизни не думать о смерти вообще. Или не думать об опасности – невероятное количество вещей угрожает жизни каж-

дую секунду, по крайней мере, городскому человеку, особенно в мегаполисе. И эта мысль блокируется в мозгу нормального человека тонкой и хитроумной системой самосохранения. Как страшно, как опасно жить в большом городе: куча транспорта, много недобросовестных или неумелых водителей, яды, выделяемые в воздух выхлопными трубами, прокрытые глубоко под землей тоннели с мчащимися поездами, искусственно вентилируемые и освещаемые... Но я, горожанин, всего этого не боюсь. Если я буду думать о постоянной опасности, подстерегающей меня здесь и там, меня просто раздавит этот страх. И я умру раньше, чем попаду под машину, задохнусь от высокой концентрации диоксида азота или отравлюсь сырой хлорированной водой.

И каждый день я себя обманываю для своего же душевного равновесия. Вот ведь сейчас я несколько раз пыталась честно спросить себя: а что же я иду, что же иду, не позволив? Только ли мысль о малыше не дает мне покоя или что-то еще? И каждый раз мысли неувовимо разбегались, уводили меня в сторону от вполне очевидного ответа. Хотя правдой было и то, что меня волновало, что будет с этим мальчиком, если мама его не вернется. И что будет, если она вернется...

Я достала телефон и вдруг вспомнила: я сегодня еще не звонила Ийке, даже не пыталась. Ничего себе мамаша – сама-то... Жалею чужих детей, ночью непонятно где...

Я быстро набрала Ийкин номер. А пока набирала, то по-

няла – нет, как же, звонила, после приема. А она не брала трубку. Просто бесконечный день, начавшийся засветло у Олега на даче, все тянется и тянется.

Ийка ответила сразу же, как будто ждала звонка – видимо, держала телефон в руке. Правда, ответила как-то разочарованно – будто ждала услышать кого-то другого. Или у нее все так действительно неважно?

– Иечка, малыш, как ты?

– Я – нормально, мам, – своей обычной фразой ответила мне дочка, фразой, не означающей ровным счетом ничего.

– Тебе по-прежнему нравится у папы?

– Да, конечно. Здесь все очень красиво.

– Ия, я не об этом тебя спрашиваю. Тебе там хорошо?

– Да, хорошо.

У меня было ощущение, что я соскальзываю с невысокой, но очень гладкой и скользкой горочки. Шажок – и назад, еще шажок – и оступилась, чуть не упала...

Я никак не могла ухватить Ийку, проникнуть в ее маленький, несчастный домик, куда она залезла, повесила нехитрый замочек и сидит там одна, страдает.

– Мне нужна твоя помощь, Ия, – решила я зайти с другой стороны, вдруг она хотя бы заинтересуется.

– Я не могу сейчас никому помогать, мама. Ты не понимаешь? Мне и так...

– Что?

– У меня нет времени. Извини. Очень дорогой разговор.

– Для тебя бесплатный, Ия, – вздохнула я.

– Для тебя дорогой, мам, – четко ответила мне Ийка. – У тебя же всегда нет денег. По сто рублей на телефон кладешь.

От каждого ее слова мне становилось физически больно, как если бы кто-то пинал меня носком ботинка то в колено, то в спину, то в плечо... Никогда раньше она так со мной не говорила, никогда. Но значит, она об этом просто молчала. Думала и молчала. Смотрела на меня прекрасными прозрачными глазами и ненавидела. За нашу бедность, за мою несостоятельность. Какая разница, сколько детишек я вылечила за год от соплей и вирусных инфекций? Если я свою собственную дочку упустила, довела до того, что она ушла из дома! Да куда – к мачехе! Жить в богатом красивом доме и зарабатывать там свою сиротскую копеечку...

Странно, как все странно. Понятно, что воспитать человека сложнее, чем, скажем, испечь булочку – положил тесто в духовку и точно знаешь, что через двадцать пять минут испечется булка. А с человеком... Вкладываешь одно, а получается другое, совсем другое.

– Иечка. Тебе нужно завтра идти в школу, ты помнишь? Что вы там решили со школой? Ты будешь ездить в свою?

– Можно я тебе не буду говорить, мам?

– То есть как?

– Мы еще не решили. Марина говорит, что мне вообще учиться не надо. Некоторые модели даже восемь классов не закончили. А зарабатывают по пять тысяч евро за показ.

От ее глупого, детского, безапелляционного тона, от невероятной чепухи, которую она уверенно произносила, повторяла за неведомой мне и, похоже, не очень честной Мариной, у меня застучало в висках.

– Ийка... Это... это неправда! Послушай меня! Нельзя бросать школу, понимаешь? Какие модели? С чего вдруг ты – и модели? Ты хочешь стать моделью?

– Конечно. А кто ж не хочет?

Я представила, как моя тоненькая, невысокая Ийка пожимает своими худенькими плечиками и сдувает со лба светлую челку. Модель...

– Ия...

Так, нет. По телефону все это не скажешь. Надо сказать главное.

– Хорошо. Ты сходи в любое модельное агентство. И просто спроси – сколько там платят девушкам за показ. Пять тысяч получает Клаудиа Шиффер и еще две-три манекенщицы в мире, остальные – в десятки раз меньше, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.